

Юлия Климова

СЛАДКИЕ ЯГОДЫ НЕ ДЛЯ ТЕБЯ

Варя. Далекая и близкая

Юлия Климова

Сладкие ягоды не для тебя

«Юлия Климова»

2026

Климова Ю. В.

Сладкие ягоды не для тебя / Ю. В. Климова — «Юлия Климова»,
2026 — (Варя. Далекая и близкая)

Варя неожиданно стала воспитанницей Григория Павловича Щербинина, представителя дворянского рода. Еще вчера она была простой деревенской девчонкой, а сегодня — нарядно одетая и проживает в богатом доме. Но Варя нелюбима всеми. Андрей, сын Щербинина, холоден с ней и никак не может смириться с тем, что в семье появилась «босота необразованная». Каждый его ледяной взгляд проникает в сердце. Старательная гувернантка преследует корыстные цели, а Григорий Павлович знает, что девочка обладает особым даром, но никому об этом не говорит. Даже Варе.

© Климова Ю. В., 2026

© Юлия Климова, 2026

Содержание

Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	24
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Юлия Климова

Сладкие ягоды не для тебя

*У той мольбы не будет брода – не переплыть, не
перейти,
Два взгляда, три прощальных слова – и не свернуть
на полпути.
И время не скроить иначе, и не взлететь, и не
обнять.
«Ты плачешь?»
«Нет, не плачу... Учусь не вспоминать».*

Ни при каких обстоятельствах он не стал бы доверять знахаркам больше, чем докторам. В этом Григорий Павлович Щербинин был уверен еще совсем недавно. Его годовой доход позволял приглашать домой профессоров, нанимать добросовестных и умелых сиделок, доставлять из ближних и дальних стран лекарства, включая редкие противомикробные препараты. Ворожеи, знахарки, колдуньи... Нет. Нет. И еще раз нет.

Но последние дни сиделка лишь горестно вздыхала, а один из лучших московских докторов отводил взгляд в сторону и торопливо произносил: «Держитесь, Григорий Павлович, держитесь... Сделано все необходимое, надо ждать». И итоговое заключение всегда звучало одинаково: или организм Андрея справится с полученной травмой, или... Вот это последнее «или» и полыхало огнем в груди. Щербинин то метался по дому, то молился, то отправлял экономку в церковь, надеясь, что ее уверенный голос долетит до Господа, то сидел на кровати рядом с бледным и неподвижным Андреем, то уходил в кабинет, закрывал плотно дверь и судорожно плакал, сотрясаясь всем телом.

Единственный и горячо любимый сын.

Поздний ребенок.

Как же долго он мечтал о нем, как долго... Какой прошел путь, чтобы однажды прижать к груди маленькое пищущее сокровище...

А теперь Андрею восемнадцать, и смерть дышит ему в лицо.

Первый брак Григория Павловича был спонтанный, наполненный смущением, пылкостью и смелостью одновременно. В начале марта, приехав на торжественный прием к графине Звягинцевой, он сразу обратил внимание на юную Марию Остужеву, представительницу достойного дворянского рода и дальнюю родственницу графа Курбатова. Она была тонка, загадочно молчалива и имела бледную кожу, не скрывающую голубоватый рисунок вен на запястьях и тыльной стороне ладоней. Благодаря этой прозрачности и общей хрупкости Мария казалась молодому и решительному Григорию Павловичу неземной, особенной и необыкновенно красивой. Уже через неделю он сообщил родителям о своих чувствах и получил благословение на ухаживание. Неопытность и волнение заставили Щербинина совершить несколько глупых поступков, он даже пытался вызвать ревность Марии. Но потом нужные отношения устроились сами собой, и брак состоялся.

Испытывая счастье от случившегося, Григорий Павлович не сразу понял, что его жена холодна и болезненна, а единственной положительной чертой ее характера является покладистость. Она никогда не перечила, а лишь улыбалась. Но пойдя разбери, что означала эта продолжительная, будто нарисованная старательным художником улыбка – одобрение или скрытую насмешку? Казалось или высокомерие и снисходительность вспыхивали в серо-голубых глазах Марии?

Для собственного успокоения Григорий Павлович принял решение считать, что жена его любит и искренне готова слушаться во всем. Тем более что явных признаков неуважения она не выказывала.

Мария постоянно болела, особенно осенью и зимой, поэтому практически не покидала дом и в основном вышивала, устроившись с пяльцами около окна в гостиной. К ней довольно часто приезжали две верные подруги, и в такие моменты Щербинин вздыхал с облегчением, словно с его плеч снимали тяжелейший груз. Брак, обещавший восторг и гармонию, через три года превратился в тоску, мучение и разочарование.

Григорий Павлович обзавелся любовницей и практически перестал выполнять супружеские обязанности. Не было ни желания, ни смысла – Мария вряд ли смогла бы справиться с рождением ребенка. Да и она сама никогда не заговаривала о материнстве, вероятно считая, что такой долг на ее судьбе не значит.

Теперь Щербинин получал удовольствие от жизни и наверстывал упущенное. Стараясь соблюдать приличия, не демонстрируя в высших кругах общества отношения со сменяющимися легкомысленными красотками, он проводил немало времени в театрах и ресторанах, путешествовал и не пропускал особо шумные балы. И Григорий Павлович ничуть не расстроился, когда самым обыкновенным морозным декабрьским утром Мария не проснулась. Вердикт доктора был ожидаем: «Сердце... всему виной слабое сердце... Да вы и без меня наверняка это знаете».

Несколько лет Щербинин и не помышлял о втором браке, но к тридцати четырем годам его все чаще и чаще стали посещать тревоги. Неужели его существование бесполезно? Родителей он похоронил, с последней любовницей распрощался и не горел желанием обзаводиться новой, балы наскучили и томили однообразием. В душе Григория Павловича образовалась звенящая пустота, вызывающая то приступы мрачного уныния, то длительного раздражения. Теперь он с трудом выбирался в гости и все чаще засиживался в кабинете, стараясь вникнуть в цифры отчетов. Если бы не имение, за которым необходимо было следить, Щербинин наверняка бы увлекся водкой и перечеркнул свою жизнь раз и навсегда.

– Подыщите себе супругу, Григорий Павлович, – в ложе театра посоветовала графиня Скобыльцева, многозначительно приподнимая указательный палец, и прищурилась, отчего вокруг ее серых глаз мгновенно собрались морщины. – Я давно на этом свете живу и могу с уверенностью сказать, что мужчина, при правильном устройстве души, всегда будет доволен, если у него есть добропорядочная супруга и дети. А уж в том положении, в котором вы находитесь, Григорий Павлович, выбирать точно вам – желающих подарить счастье столь уважаемому и обеспеченному человеку будет предостаточно, – она кивнула, подчеркивая сказанное. – Не торопитесь, но и не затягивайте. Женитесь, мой хороший. Женитесь!

Слова про супругу и счастье Щербинин пропустил мимо ушей, однако мысль о детях задребезжала так, что он схватился за спинку широкого красного бархатного стула и крепко сжал ее. Никогда раньше Григорию Павловичу детей не хотелось, он знал, что когда-нибудь они непременно появятся на свет, почему бы и нет? К будущим наследникам он относился как к дождю или снегу: придет время и случится, и никто не угадает, когда это произойдет.

Но теперь душа перевернулась. Щербинин вдруг остро почувствовал, что ему отчаянно не хватает сына. Именно сына! А лучше двух.

«Он должен быть похож на меня... Умный, рослый, видный, с безупречными манерами и превосходным образованием...»

Пробормотав слова благодарности графине Скобыльцевой за совет, Григорий Павлович опустил на стул и пожалел, что он не дама – сейчас веер бы очень пригодился. На лбу выступили мелкие капельки пота, во рту пересохло и совершенно не хватало воздуха.

«Да, да, да...»

Щербинин осознал, в чем смысл его жизни. И этот смысл был таким многообещающим, волнительным, ответственным, важным и естественным, что не понятно, отчего раньше он оставался скрытым. К концу спектакля Щербинин принял твердое решение назвать первенца Андреем. Это имя хорошо звучало, в нем присутствовали уверенность, сила, мужество и духовность.

«Андрей...» – мысленно произнес Григорий Павлович, представляя сына-красавца.

Уже со следующего дня он начал поиски жены. Новость разлетелась быстро, и Щербинина стали чаще звать на всевозможные приемы – желающих выдать за него дочь было много, в этом графиня Скобыльцева не ошиблась.

На этот раз Григорий Павлович не собирался доверяться чувствам. Да, собственно, он и не искал любви и пылкости. Главными требованиями к невесте были: приятная внешность, крепкое здоровье, возраст от девятнадцати до двадцати трех лет, соответствующее происхождение, незапятнанная репутация, умение играть на фортепиано, знание хотя бы французского и способность приятно поддержать беседу. Невеста не должна быть глупа. И как раз музыкальные способности и склонность к иностранным языкам, по мнению Щербинина, исключали это.

Через месяц, после разговора с одним из медицинских профессоров, Григорий Павлович добавил в список еще одно требование – широкие бедра. И данная физическая особенность оказалась довольно трудной для обнаружения: нижние юбки, а к ним еще и объемные юбки платьев часто мешали. К тому же, насколько понял Щербинин, некоторая полнота могла обманчиво обещать одно, а на деле потом окажется совсем другое...

Выбор состоялся в июне, и к алтарю Григорий Павлович пошел с Ольгой Молчановой, двадцатидвухлетней красавицей, обладательницей густых длинных волос, прямого носа и несколько утяжеленного подбородка, который ничуть ее не портил. Ольга производила хорошее впечатление, была воспитана, не суетлива и засиделась в девках лишь оттого, что больше года ухаживала за тяжелобольной матерью и еще год соблюдала траур. К Григорию Павловичу она испытывала благодарность, уважение и знала, чего именно от нее ждет муж.

Шли годы, а беременность не наступала. И это было настолько неожиданно и болезненно, что Щербинин потерял покой и сон, а его гордость – каштановые бакенбарды – начали седеть. Неужели он ошибся с женой? И что делать, если так?

Однако ничего поделать он не мог и лишь изредка давал понять Ольге, что она его крайне разочаровывает и терпеть это невозможно. Он бы высказывался более резко, но доктора твердили: «Не волнуйтесь, такое случается, у вас обязательно будут дети. Следите, чтобы ваша жена находилась в спокойствии, много гуляла и хорошо питалась».

«Она будет находиться в спокойствии... А я? А я должен метаться по дому и лишаться рассудка?!»

Но Щербинин терпел ради мечты и даже преподносил жене небольшие подарки в надежде, что радость оживит скрытые глазу возможности женского организма.

Ольга постоянно нервничала, не справляясь с удушающим чувством вины. И лишь когда они перебрались в имение, чтобы как можно больше находиться на свежем воздухе, она стала лучше спать, увлеклась вязанием, набрала вес и преодолела частое желание плакать.

И незадолго до тридцативосьмилетия Григория Павловича Ольга сообщила, что находится в ожидании ребенка. Еще никогда Щербинин не благодарил Господа столь продолжительно и вдохновенно.

Не дожив до утра, Ольга умерла сразу после родов. Весь день Григорий Павлович провел возле сына, счастливо улыбаясь и внимательно следя за каждым его движением или сном.

«Волосы темненькие... как у меня... Наша масть – Щербининская!» – с удовольствием отмечал он.

С первых минут рождения к Андрею была приставлена няня – Агафья Дмитриевна, на вид женщина неопределенного возраста, крепкого телосложения, спокойная и сдержанная. И

так как Щербинину спокойствия не хватало, он был рад, что остановил выбор именно на Агафье. Не зря ее рекомендовала графиня Скобыльцева. Все действия няни были четкими и уверенными, и сомневаться в ее опытности не приходилось. Даже болтливая и щедрая на сюсюканья кормилица притихла и вспомнила о том, что ее дело давать ребенку грудь, а не восхищаться его ангельской внешностью.

Сравнение с ангелом Григорию Павловичу и не нравилось. Оно было явно ложным и совсем не подходило сыну. В Андрее угадывался характер, и это вызывало отцовскую гордость.

Похоронив Ольгу, коротко произнеся на могиле: «Спасибо за сына», Щербинин по дороге от кладбища до усадьбы размышлял о дальнейшей жизни.

Если жениться, то ради еще одного сына.

Но если опять придется долго ждать...

И будет ли его следующая жена ласкова с Андреем? Все они сначала внимательные и улыбочивые, а позже оказывается, что и недостатки имеются.

И самое главное – честно ли строить такие планы... Честно ли по отношению к Андрею? Это же придется делить отцовскую любовь и время на двоих...

«Да, у других и по пять детей по дому бегают, но не всегда из них достойные люди вырастают... Тут есть некоторые опасения. Возможно ли уследить за двумя и тремя так, чтобы потом гордиться ими всю оставшуюся жизнь? А если родится девочка?..»

– А уж она мне точно ни на что не надобна!

Вернувшись домой, устремив взгляд на довольного Андрея, Щербинин мягко улыбнулся, и беспокойство растворилось без следа.

Вот он. Самый лучший сын на свете! И других не требуется.

– ...вы просили принести письмо от Елизаветы Михайловны сразу, как оно прибудет, – донесся голос секретаря, и Григорий Павлович резко обернулся, мгновенно вернувшись из прошлого в настоящее. – Так только доставили...

– Подай сюда, – Щербинин требовательно протянул руку, и сердце застучало быстрее.

Его престарелая, сутулая, невероятно худая и хромая на правую ногу тетка Елизавета Михайловна имела приличное хозяйство в Коломенском уезде, но еще лет пятнадцать назад приняла решение довольствоваться малым, передала землю во временное пользование деревенским, окружила себя вечно молящимися старухами, взялась образовывать местных босоногих детей, носила лишь простую одежду и, по мнению Григория Павловича, несколько тронулась умом – женщина знатного круга так жить категорически не должна.

Но он все же написал ей, потому что отчаяние не знает логики и запретов, потому что надежда оставалась единственно на чудо, которое в понимании Щербинина могло исходить исключительно от набожных или странных людей. Последних было предостаточно, особенно это становилось ясно, если изучить страницы светских газет, заполненных всевозможными объявлениями.

Григорий Павлович распечатал конверт и достал листок с лаконичными бежевыми узорами по углам. По весне он сам заказывал эту бумагу для тетки – подарки она одобряла недорогие и практичные.

Елизавета Михайловна уже давно имела проблемы со зрением, и красивые торопливые слова явно были написаны кем-то другим под ее диктовку.

«Дорогой Григорий, получила от тебя печальные известия о здоровье Андрея. Седьмого числа он приснился мне в дурном сне, и я целый день ходила разбитая, волнуясь и успокаиваясь. Верь в лучшее, мой друг, и молись. И я с удвоенной силой молиться стану, не сомневайся в этом.

Относительно твоего вопроса о каком-либо положительном враче могу сказать, что такие у нас в уезде не водятся. А вот знахарку, о которой ты тоже

спрашиваешь, посоветовать могу. Коли ты готов с ней встретиться и принять все ее наставления, то и хорошо.

Полтора года назад я прибегла к умениям женщины, живущей не так далеко от тебя, и осталась довольная и благодарная. Моя правая нога уж совсем стигаться перестала и ныла, особенно по ночам, а нынче вот хожу почти ровно и боль возвращается разве что под грозу.

Эта знахарка проживает в крайнем доме Грушовки, что в имении Малыгиных. У нас многие к ней ездили за помощью. Ты должен помнить эту деревню – ее видно издали, если встать на мосток Остьюшки, где река поворот делает...»

Дочитав до конца, опустив руку с письмом, Григорий Павлович помедлил несколько секунд, посмотрел на секретаря и уверенно произнес:

– Распорядись по поводу коляски. Да пусть легкую запрягают. И немедленно.

«Нет, Елизавета Михайловна еще в своем уме, – подумал Щербинин. – Да и врать она не станет... А вдруг и вправду эта знахарка чудо совершить может...»

Щербинин сложил письмо, шумно вздохнул, коротко помолился и вспомнил тот момент, когда лично пристрелил лошадь, которая скинула с себя Андрея. Почти два месяца сын пытался подчинить ее, усмирить, но она вставала на дыбы, мотала головой так, что развивалась грива, пританцовывала задними ногами, отказываясь подставить спину. А в тот злополучный день понеслась по загону с неистовой скоростью, демонстрируя дикий нрав, и Андрей вылетел из седла, ударившись головой о жерди изгороди.

И уж по правилам он ее объезжал, а только встретились два упрямых характера, и случилась вот такая беда.

«Почему мы не остались в Москве на лето?! Это я виноват...» – в который раз укорил себя Щербинин, закусил до боли губу и быстрым шагом покинул кабинет.

Дорогу Григорий Павлович не заметил. Нервно сжимая и разжимая пальцы, он старательно подбирал слова для знахарки, пытался представить ее и никак не мог определиться, на что он готов пойти ради спасения сына. То есть на все! Но если эта женщина, да еще и неопрятная, даст пузырек с какой-нибудь странной жидкостью и скажет влить ее в рот Андрею, то что тогда?.. Мысли подпрыгивали, переплетались, вспыхивали, гасли и увеличивали непокой.

Изба знахарки была обыкновенной – бревна коричневые, а наличники, причелина и крыльцо выкрашены в белый цвет. Краска не выглядела свежей, уж потрескалась, а местами и шелушилась, но, несмотря на влияние времени, дом Щербинину показался ладным и прочным, точно построили его не больше пары лет назад.

Ближе к забору росла раскидистая яблоня, правее – высокие густые кусты сирени, требующие ухода. Старые ветки давно нужно было срезать, не давая им возможности обрастать лишайником, но хозяйка отчего-то этого не делала.

«А может, она лишайник заваривает и пьет?», – поморщился Григорий Павлович, прошел по узкой утоптанной дорожке, миновал черную и красную смородину, нервно кашлянул, огляделся, поднялся по двум ступенькам и постучал в дверь.

Никто не ответил, однако дверь оказалась незапертой. С тихим скрипом она медленно открылась, приглашая зайти.

В сенях Щербинин не заметил ничего интересного или пугающего, что несколько успокоило. Прибрано, на многочисленных полках стоят горшки, в углу – табурет, а на нем кадка с крышкой, вдоль левой стены тянется длинный узкий стол, на котором горками разложены подсохшие травы.

Осторожно открыв следующую дверь, Григорий Павлович перешагнул довольно высокий порог и зашел в жилую часть дома. Но изучить обстановку не успел, справа произошло движение, заставившее сразу повернуть голову.

На скамье, возле печи, сидела женщина лет шестидесяти. В серой кофте с глухим воротником и длинной коричневой юбке с оборками по подолу. Одежда была чистая, но смотрелась мешковато и от многочисленных стирок давно потеряла яркость. Пальцы женщины ловко перебирали тонкие прутья, вплетая в них разноцветные полоски ткани. Григорий Павлович с точностью не смог определить, что знахарка изготавливает.

«Вроде похоже на небольшую корзинку».

– Доброго дня. Не знаю, как величать вас... – неуверенно начал Григорий Павлович и окинул быстрым взглядом комнату. Аккуратно, даже уютно, много рукодельного в украшениях, на полу пестрая дорожка до самого окна, в углу большие и маленькие иконы...

«Иконы. Господи, спасибо. Все легче, что увидел их», – пролетела сглаживающая внутреннюю дрожь мысль, и Щербинин перекрестился.

– Доброго дня. Федосья я, – ответила женщина, отложила на скамейку плетение, тяжело поднялась и направилась к столу. – Раз по делу приехал, то не тяни. Раскладывай свою горечь, как есть.

– А с чего ты взяла, что я с горечью приехал? – услышал свой голос Григорий Павлович и сжал губы. Он не предполагал, что важный разговор начнется столь скоро, без вступительных и подготовительных слов, и растерял заготовленные фразы.

– По лицу вижу, да и не захаживают ко мне чужаки с радостью, – Федосья остановилась около стола, развернулась, отправила за спину седую косу и замерла, ожидая рассказа гостя.

Только сейчас Григорий Павлович уловил ароматы трав, цветов, влажного дерева, сушеных яблок, меда... Но ничего подобного вокруг не наблюдалось.

Теперь, когда знахарка оказалась в светлой части комнаты, стали более заметны ее морщины и понятно выражение лица. Во всяком случае Щербинин посчитал, что оно понятно.

«Никакой злобы не видится, и тень мрачного колдовства отсутствует, а хорошо же это. Хорошо!»

– Адресок мне ваш дала тетя, родня по отцу. Она проживает в Коломенском уезде, – вновь переходя на «вы», осторожно начал Григорий Павлович. – Елизавета Михайловна Кряжкина. Может помните? Ног у вас лечила полтора года назад. Так вот я и приехал... Мой сын болен. Вернее, находится в бессознательном состоянии уже больше десяти дней. Будто спит... И никто помочь не в силах. Дышит он чаще ровно, но иногда судорожно, и в такие моменты мы по капле вливаем ему в рот то воду, то куриный бульон, – и, воодушевленный опять появившейся надеждой, Щербинин стал торопливо и с подробностями рассказывать о случившейся трагедии. Ему уже давно хотелось выговориться, и чтобы вот так молча и внимательно кто-то слушал. Он перестал бояться и ожидать плохого, просто говорил, говорил, говорил... И даже эмоционально взмахивал руками. – ...если есть какая-то чудодейственная настойка или место с особенным источником, вы скажите, я готов на любые траты. Андрей – смысл моей жизни, – горячо закончил Григорий Павлович.

Федосья нахмурилась и вздохнула, словно хотела произнести: «Все здесь ясно, далее разговор вести не надобно», подошла ближе, прищурилась и ошупала Щербинина въедливым взглядом. Ему даже показалось, что кровь в венах потекла медленнее, а сил в ногах стало гораздо меньше.

Серые глаза знахарки то темнели, то вспыхивали, тонкие, почти бесцветные, брови то приподнимались, то опускались, а потом она выпрямилась и спокойно, как если бы речь шла о привычных хлопотах к ужину, сказала:

– Не сыну твоему это наказание, а тебе. Добра ты в жизни не делал, а без этого земля не получает тепла, не родит. И корешки, и сердца жизнью не наполняет. Сын твой встанет и пойдет, если холод души своей исправишь.

От услышанного у Григория Павловича взмокла спина. Он вроде к знахарке пришел... Не слова странные она говорить должна, а дать лечебный пучок травы или микстуру. Лечить она обязана!

– Не понятно... Так что совершить требуется?

– Доброе дело. Да такое, что лежащий больной встанет и пойдет.

– Но как же это?..

– Жизнь человеческую спаси, – резко произнесла Федосья и добавила сдержаннее, но так же четко и обжигающе: – Равное совершить требуется, и тогда твой сын очнется.

Мысли Щербинина стали путаться, щеки вспыхнули, а подбородок дернулся и задрожал.

– Но кого же мне спасать и как?..

– В нашей деревне сирота имеется, девочка двенадцати лет отроду. Кузнеца пришлого дочка. Он спился и потонул, а она ненужная никому теперь мыкается. У Матрены пока живет, да только выгонит она девочку ближе к зиме, когда работы поубавится. Вот ты забери сироту и воспитанницей сделай, жизнь ей другую дай. Сын твой глаза и откроет. Доброта всегда круг совершает и возвращается.

Григорий Павлович готов был услышать что угодно, но не это. Он чувствовал, что ему непременно нужно возразить и объяснить еще раз, в какой невыносимо тяжелой ситуации он оказался. Его сын ударился головой, и тут нужна настойка, примочки или микстура какая-нибудь...

– Но почему же ты сама эту девочку не забереши и доброту не исполнишь? – выдохнул Щербинин, делая значительный шаг назад. Будто расстояние могло отгородить от происходящего безумия.

– А я тебя ждала, – сухо ответила Федосья. – Судьбу не переиначишь. Спасти ее – твоя надежда, а не моя участь.

Глава 1

Три сливы росли слишком близко друг к другу, переплетаясь ветками так, что и не поймешь, где чьи. Но Варя уже давно разобралась в этих узорах природы и теперь с удовольствием рассматривала деревья, утяжеленные мелкими и многочисленными сине-черными плодами. Уставшая за день, она стояла неподвижно, наклонив голову набок, убрав руки за спину.

– Вот поспеют все, и сколько же варенья сварится... Поди, много, – прошептала Варя и мечтательно улыбнулась.

Шевелиться не хотелось, но собирать сливы она любила и уже представляла, как сначала отыщет в траве упавшие, а после поотрывает более крепкие с веток. На варенье нужно много слив, но это же не мелкую смородину собирать или крыжовник – быстро управиться можно.

И Варя представила тот момент, когда Матрена будет стоять возле пузырящегося медового варенья с длинной деревянной ложкой в одной руке и глубокой тарелкой в другой. Пенка... Есть ли что-то вкуснее этой сласти? Матрена соберет пенку, а позже ее пухлый и ленивый сын Федька окунет в тягучее лакомство щедрый ломоть ржаного хлеба и торопливо откусит немалый кусок. И побегут по его подбородку сладкие капли...

Тихонько и настойчиво Варя мечтала именно о таком счастье. Чтобы и ей дали ломоть хлеба и тарелку с пенкой. И уж ни одна капля мимо ее рта не пролетела бы!

«Не позволила бы я им этого. Не позволила», – категорично покачав головой, подумала она и принялась собирать сливы.

Жизнь Вари нельзя было назвать легкой, но она никогда не жаловалась, искренне радуясь каждому дню. Деревенские мальчишки называли ее заморышем, лягушатиной, сколоткой, безобразиной, кочерыжкой обгрызенной... А она расправляла плечи, нарочно вздергивала нос и шла дальше, будто и не обжигали душу летящие в спину слова.

«Это вы еще не ведаете, кто моя мать, а то глаза бы выпучили и лопнули от удивления», – иногда думала Варя, сжимая губы. И эти мысли – торжество тайны – словно возвышали ее над недоброй, задиристой и нахальной ребятней.

Но от тумачков бывало и больно, и обидно. Мальчишки же смелые, когда налетают стайкой – каждый в такой момент мнит себя силачом и победителем. Отбиться можно, да некому потом приласкать, утешить и подуть на липкие и ноющие ссадины. Вернее, Варя сама и дула.

Она не могла похвастаться смелостью или ловкостью, зато стойкости было хоть отбавляй. Точно давным-давно в груди пробился особенный гибкий росток, и вот сложишься пополам от отчаяния, а он – раз! – и выпрямит тебя. То кажется, что легче от этого, а то и тяжелее. Забиться в уголок и утонуть в жалости к себе вроде и хочется, да не получается.

В Грушовке их семейство появилось два года назад, а следом и сплетни прилетели. Но про мать Вари никто правды не ведал, потому что есть тайны, которые не поддаются ветру, а если их и произносят, то лишь на ухо тому, кто смолчит.

– Болтай меньше, думай больше, – говаривала бабушка, туго заплетая в косу темно-русые волосы Вари. Ее голос был привычно важный и хриплый. – Родилась ты от большой любви – и это главное, а люди пусть языками чешут, коли нравится им. И обиду на отца не держи. Горькую он пьет оттого, что горько ему.

Отец Вари был знатный кузнец. Кудрявый, широкоплечий, крепкий и искусный в своем деле. Но в родной деревне он не жил, а мучился, и виной тому были точившие сердце воспоминания. И когда однажды в недалекой Грушовке потребовался кузнец, он решительно велел укладывать вещи и засобирався сам.

– Степан, да кому мы надобны на чужой земле?! – возмущалась бабушка, не желая расставаться ни с домом, ни с животиной. И здоровье у нее было такое, что со стула без охання не встанешь и спину сразу-то не разогнешь.

– А мы и здесь никому не надобны, – резко отвечал Степан, хмуро сдвигая брови. – Если хочешь, оставайся, а мы с Варькой уедем. Я уже с Прохором уговорился, отвезет на телеге.

Вспоминая те дни, Варя почти всегда прижимала ладонь к груди. Много бы она отдала, чтобы вновь услышать родные голоса, ощутить знакомые запахи и даже послушать брань. Пусть бранятся, лишь бы по земле ходили и живы были. Но нет...

Историю любви своего отца Варя знала из рассказов бабушки. Года три назад та усадила ее на табурет возле окна и наконец-то ответила почти на все вопросы, что частенько кололи под ребрами и иногда не давали уснуть.

– Той осенью возле реки цыганский табор встал. Яркие, красивые девки у них были. И каждая певунья да танцовщица. Браслеты по рукам скользят, звякают, манят. Юбки пестрят, туда-сюда крутятся... И захочешь глаза отвести, а не сможешь. Твой отец Лалу в лесу повстречал. Она шла по сваленной грозой березе, раскинув руки в стороны и глядя не под ноги, а на небо. Другая бы не устояла, свалилась при таком слепом шаге, но у этой цыганки все было с избытком: и чутье, и кровь горячая, и с землей родство, и с воздухом. И красивая она. Ох, красивая... Но не девка уже. Мужняя жена. А муж ее ссыльный за конокрадство... Два годочка ждать его оставалось.

Так Варя узнала, кто ее мать. Цыганка. От изумления перехватило дыхание и сначала бросило в жар, а затем в холод. Она даже прикоснулась кончиками пальцев к щеке, будто хотела нащупать схожесть с этим загадочным и кочевым народом. Но что там нащупывать, если меньше всего Варя походила на цыганку, и никто и никогда не заподозрил бы в ней огонь беспокойной крови.

Табор, перезимовав у зажиточного крестьянина Апраксина и щедро заплатив за постой, тронулся в путь в конце марта, а Лала, скрывая беременность, вместе с матерью подалась в Грушовку, где поселилась в доме знахарки Федосьи. После родов они собирались нагнать табор, что трудностей не составило бы. Путь был известен – самые жаркие месяцы в году они всегда проводили возле бескрайних полей и зеркальных озер графских владений Черняевых. Там и подзаработать можно было и нагуляться вволю. Граф цыган всегда жаловал и если кутил, что случалось часто, то непременно требовал песен и плясок.

Мать Лалы ради дочери сказалась больной, и никто не заподозрил обмана. Она стонала, хваталась то за живот, то за голову и твердила, что помрет на ухабистых дорогах и что путь ей нынче один – к любой знахарке, которая непременно разберется, что за хворь приключилась. Федосье сказали правду. А она, повидав всякого, без лишних расспросов предложила и крышу, и стол.

– ...не могла Лала открыто ребенка родить. Цыганский закон суров, и братья мужа не стерпели бы такого позора. Да и муж вернется – пощады не жди, – объясняла бабушка Варя, тяжело вздыхая. – Как же отец любил твою мать... как любил... И сейчас любит, душа-то покоя не знает. А только Лала сильная, такие слез не роняют, не скулят и не жалуются. Такие решают и делают. Метался Степан, уговаривал, сулил многое, жизнь их ладную придумывал... Все напрасно, – бабушка махнула рукой. – Я в глаза Лале заглядывала... Ох, и нелегко ей было отказываться, но цыганке не сбежать, не утаиться, ее всегда найти можно, коли цель такая имеется. А в страхе жить Лала не желала, и судьба кочевая разве отпустит? Ослабит хватку? Нет. Дороги звать будут.

– Но как же я здесь очутилась-то? – спрашивала Варя, торопясь ухватить подробности.

– Родила Лала и вместе с матерью привезла тебя ночью к нам. Отдала и сказала: «Посмотрите на нее. Ваша кровь победила. Никто в этой девочке цыганку не угадает, и это хорошо, потому что жить ей среди вас, а не среди нас. Дайте ей сами имя, так будет правильно». А Степан стоял в углу избы, смотрел на Лалу и не шевелился даже. Знал, что уж больше не свидятся.

С одной стороны, Варя очень хотелось узнать, была ли Лала расстроена, когда отдавала ее? Обернулась ли, уходя? А с другой... Эта женщина была далекой, чужой и иногда казалась

даже не существующей, и трудно было представить, чтобы цыганка Лала помнила дочь и сучала.

Когда отец засобирався в Грушовку, Варя тайно радовалась и молилась, чтобы бабушка приняла переезд. Душа рвалась в ту деревню – место рождения и оттого притягательной силы. Там наверняка и трава зеленее, и дорога шире, и цветы душистей, и березовый сок по весне слаще. Однако Грушовка оказалась обыкновенной и не имела никаких особенных красот. Грибов и ягод в лесу было больше и до реки Остыюшки близко – вот, пожалуй, и вся радость новая.

Вместе с кузней им достался небольшой старенький дом, в котором они с бабушкой наводили порядок восемь дней. Предыдущий кузнец помер, и было ясно, что его одинокая жизнь совершенно не способствовала чистоте и уютному укладу. Повесив под конец уборки свои занавески и постелив скатерть, вышитую собственноручно лет пять назад, бабушка наконец-то перестала витиевато негодовать, качать головой и креститься.

– Может, Степан счастье здесь обретет, кто знает... кто знает... – задумчиво произнесла она, надеясь на лучшее.

А после приехал управляющий помещика Николая Петровича Малыгина и привез гостинцы в честь новоселья: мешок муки, горшок с медом и большую щуку, пойманную по утру. Труд кузнеца всегда был в почете, и Варя нравилось, что отец выбрал именно эту стезю.

Девчонки в Грушовке оказались насмешливыми и высокомерными, словно их туча вредных мух покусала, а мальчишки – хитрые, едкие, задиристые.

– Пакостники и есть, – добавляя еще и крепкое словцо, говаривала бабушка.

Не получалось у Вари найти себе подружку, и некому было ее защитить, если совершалась несправедливость. Отец стал угрюмее, начал пить еще больше и почти каждый вечер уходил в сторону реки.

А однажды Варя случайно подслушала разговор, который заставил поволноваться так, что аж руки затряслись. Но позже, когда сначала умерла бабушка, а затем ночью утонул отец, и отчаяние терзало и тело и душу, разливаясь кипяточной болью в груди, именно этот разговор дал силы и заставил держать спину ровно.

Не навсегда она в Грушовке, не куковать ей здесь до старости в одиночестве. Иная судьба предназначена.

Гости к ним особо не захаживали, однако два раза приходила знахарка Федосья, живущая на краю деревни. Женщина неболтливая и сдержанная на чувства, а посмотрит – будто все мысли прознает, взгляд цепкий да долгий. Какие только слухи про Федосью не разносились по округе, но за умение врачевать каждый в деревне готов был поклониться ей в пояс. Не имелось в Грушовке двора, где бы помощи ее хоть единожды не ожидали, и никому никогда отказано не было.

В тот день бабушка накормила Варю жареной тыквой с луком. И как же хорошо было после, когда сковорода опустела, макать кусочки хлеба в желто-оранжевое масло и отправлять их в рот. Вкуснота! Чуток не хватало соли, но Варя нарочно не тянулась за ней, чтобы ни на секундочку не прерывать удовольствия. Сытая и бодрая она вышла на улицу и направилась к краю поля, где тянулся осинник и имелось особенное место с поваленным деревом. Варя залезла на ствол старого дерева, выпрямлялась, раскидывала руки в стороны, смотрела непременно в небо и шла, стараясь походить на мать.

– Я цыганка, – обычно произносила она в такие моменты, совершенно не веря в это.

То ли кровь Лалы просыпалась в Варю в минуты опасности, то ли собственное чутье берегло, но никогда ноги сучков не задевали, тело не дергалось ни вправо, ни влево, шаг оставался твердым, и беды не случалось. А беда вполне могла произойти, потому что дерево, рухнув однажды, не легло на землю – оно замерло в воздухе на своих переломанных ветках, уткнувшись макушкой в две слипшиеся березы.

И Варя бы добралась до осинника, но на пригорке мимо нее пронеслась телега, и захотелось обернуться и посмотреть ей вслед. «Хей! Хей!» – выкрикивал дед Митяй, подгоняя свою лошадь Жужу, вместо того, чтобы сбавить скорость и преодолеть резкий участок дороги с осторожностью.

Взгляд выхватил вдалеке знахарку, и Варя прищурилась, пытаясь разглядеть и выражение ее морщинистого лица, и детали всегда опрятной одежды, и широкую корзинку в руке. Федосья уже приближалась к их дому, и, не понимая почему, Варя медленно, точно заколдованная, пошла обратно.

В сенях еще витал запах жареного лука, и она улыбнулась, вспоминая вкусный обед. Странное наваждение улетучилось, и теперь душу переполняло настойчивое любопытство. А чего ж ему не быть, если цыганка Лала проживала именно у Федосьи, и, скорее всего, знахарка знает, кто такая Варя.

«О чем же они толкуют?.. А вдруг про меня говорят или про мою мать?.. Дверь-то чуток открыта... поди слышно будет, стоит лишь подойти поближе... Бабушка заругает, коли заметит... Но если я на цыпочках... и рядом со щелочкой просто постою, даже заглядывать не стану...»

И Варя бесшумно приблизилась к приоткрытой двери.

– ...вот такая судьбина у сына моего, а мог бы выбрать себе девку ладную и добрую, свадьбу бы сыграли, – доносился голос бабушки, наполненный болью и горечью. – И зачем табор на постой возле нас устроился, других местов, что ли, нет...

– Любила Лала Степана. Еще как любила, – отвечала Федосья. – Перед родами она мне это сказала, видать, сердце желала успокоить. По сути, она сама была как рыбешка, попавшая в сети. Гордая и сильная – да, но несчастная.

– Когда Лала мне Варю отдавала, ее мать таких слов наговорила, что и вспоминать страшно. Сказала, что гадала на картах и на гладь воды смотрела, а потом и сон был предсказывающий, – слова стали тише, и Варя вытянула шею, боясь пропустить самое интересное. Бабушка кашлянула, помолчала немного и продолжила торопливо и прерывисто: – Сказала, что однажды за девочкой этой – и указала на нее пальцем – придет человек. Чужой и немолодой уж... Придет и ведать не будет, что за ней пришел... И надо отдать девочку, пусть увезет ее в свой дом, там ее место, там ее судьба. Я рукой на нее махнула и перекрестилась, мол, слушать не желаю, а она твердит и твердит свое... А Лала стоит молча, не шевелится, а глаза пылают. У меня аж спина взмокла.

– А что еще говорила ее мать?

– Что у этого человека горе будет горькое, посланное в наказание за жизнь его холодную и бесполезную. Но никому я внучку отдавать не собираюсь, это у них все запросто – родила и принесла. Варя – наша кровиночка. Да в ней и цыганского ничего нет, Господь так решил.

– *«Однажды за девочкой придет человек... чужой и немолодой уж... и надо отдать девочку... пусть увезет ее в свой дом, там ее место, там ее судьба...»* – зачем-то повторила Федосья, и каждое слово впечаталось в память.

Раздались шаги, и Варя выскочила из сеней. Подхватив подол сарафана, она перепуганной птицей полетела к осиннику. С тех пор она знала, что когда-нибудь за ней непременно явятся, но перестала этого бояться лишь после смерти бабушки и отца.

– Есть люди, которые видят больше других. И так было всегда, – подходя к окну, глядя вслед убегающей Варе, произнесла Федосья. – Я и сама иногда вижу странное и чувствую – рано или поздно сбудется.

– А уходя, мать Лалы сказала, что девочка наша рождена, чтобы от смерти спасать. И несколько раз за жизнь ей свое умение применить придется. Силы небесные голос ее услышат.

– Спасти можно только тех, кто должен еще пожить, – еле слышно произнесла Федосья и поправила занавеску.

* * *

Широкое лицо Матрены раскраснелось, голубые глаза то вспыхивали, то гасли, а подрагивающие пальцы непрестанно теребили край передника, заляпанного не пойми чем. Григорий Павлович во всяком случае уж точно не хотел знать природу этих пятен. Он смотрел на крепкую миловидную Матрену с брезгливостью, желая поскорее уехать и забыть происходящее, как страшный сон. Но рядом стояла Федосья, а дома на кровати лежал умирающий Андрей...

– Я кормила и поила ее с повторных апрельских холодов, – набивала цену Матрена, тяжело дыша от алчного волнения. – И худая Варька была, и болезная, и бестолковщина несусветная. А я угол ей дала и обувку справила: лапотки у меня всегда в запасе имеются. С таким-то отцом и подохнуть запросто, только я Варькиной погибели и не допустила. Как ее бабка померла, так и все... Никому девчонка не нужная была, следующая бы в землю отправилась, – Матрена оставила передник в покое, скрестила руки на груди и добавила более спокойно с нажимом: – Вот мне за доброту и причитается.

– Неправда твоя. Варя с отцом жить хотела, а когда он утонул, ты сама девчушку жадными ручонками сцапала и сказала, что отрабатывать она долг будет. Голосила на всю деревню, что отец ее денжат тебе задолжал, – резко ответила Федосья, испепеляя Матрену взглядом.

– Вот и должок еще за ее родителем тянется, да!

– Я дам денег... Сколько нужно? – попытался вмешаться Григорий Павлович, улавливая легкое головокружение и тошноту.

– Матрена, мыслимое ли дело за ребенка деньги брать, – резанула Федосья и добавила ледяным тоном: – Бога побойся, дура глупая.

– Я не за ребенка, – нервно возразила Матрена, схватила с лавки полотенце и принялась его складывать. – А за хлеб и соль. Я Федьку одна рощу, все копеечки наперечет. Будьте добры, пятнадцать рублей на стол кладите и забирайте Варьку. И это я еще мало прошу, могла бы и поболее.

«Тринадцать рублей я обычно оставляю в ресторане на Тверской... Устрицы, щи наваристые с потрохами, окунь жареный со спаржей, пармезан, пирожки с грибами и капустой, вино крымское... – подумал Щербинин. – Пятнадцать рублей – сущая ерунда».

Он находился в растерянном состоянии и пытался убедить себя, что поступает правильно. Как привезти домой девочку? Как объяснить ее появление обществу и прислуге? И была бы она хоть из достойной семьи, но нет же! Деревенщина с грязью под ногтями.

Вот сейчас он ее увидит, и непременно окажется грязь под ногтями...

И не обман ли это все? Разве может ребенок помочь в такой беде?

Не вслушиваясь в дальнейший спор, Григорий Павлович задержал дыхание, пытаясь сосредоточиться. Андрей... Нужно перепробовать все способы, чтобы его спасти. *«Не сыну твоему это наказание, а тебе. Добра ты в жизни не делал...»* – вспомнились слова Федосьи, и Щербинин вновь посмотрел на Матрену. Это ж получается, что сын страдает из-за него. Кто знает, какие высшие силы на свете имеются и как на земле все устроено... Нельзя сомневаться, нельзя! Надо действовать, а ответы на вопросы непременно отыщутся.

– Я даю двадцать рублей и довольно, – ледяным тоном произнес Щербинин, стараясь вернуть себе привычный деловой настрой.

Сумма побольше должна была закончить отвратительный торг и заставить Матрену наконец-то привести девочку. Григорию Павловичу отчаянно не хватало уверенности в правильности принятого решения, но отступить он уже не собирался.

«Я непременно должен влиять на ситуацию, а не стоять столбом, позволяя двум деревенским бабам решать мою судьбу». Так он настраивал себя, но все же побаивался лишний раз

повернуть голову в сторону Федосьи. Цепкий взгляд этой явно непростой женщины не так-то легко было выдержать.

– Вот уж спасибо, барин, – мгновенно превратившись в кусок приторного мармелада, пропела Матрена. – Уж не пожалеете ни в раз. Варька не лентяйка какая-нибудь, все по дому старательно делает. И у вас баклуши бить не будет.

– Где девочка? Приведи ее. И наш разговор на этом закончен.

Григорий Павлович взял с собой приличную сумму, полагая, что деньги непременно понадобятся для расчета со знахаркой. И он бы дал еще больше, чтобы поскорее покинуть избу Матрены, но выглядеть глупцом категорически не хотелось, особенно перед Федосьей. Интуиция подсказывала, что хозяйка – бессовестная лгунья, больно ладно у нее в доме было и уж точно она не бедствовала.

– Федьку она прижила он нашего помещика Николая Петровича, – произнесла Федосья, как только Матрена выскочила за порог. Отвернувшись от денег, оставленных Щербининым на столе, она пояснила: – Поэтому-то Матренин закон тут и властвует, многое ей дозволяется. И хотя в полюбовницах она уже не ходит, а только Николай Петрович проявляет заботу и некоторые желания Матрены поощряет. Коли спор какой выйдет, завсегда она правую станется. Чуть что – приказчик прикатывает и, не ища правды, занимает сторону этой алчной лгуни. Дураков спорить сразу нет, – Федосья поморщилась и поправила платок, убирая под него выбившуюся прядь седых волос. – А денег мне ваших не жалко, Григорий Павлович, – добавила она и хмыкнула, скривив тонкие губы. – Заплатили бы, и ушли мы. Да только не хотела я, чтобы Варя купленной была, ни к чему ей на судьбу еще и такую обиду вешать. Ну да ладно... Все равно однажды не ей это отзовется, а Матрене. Последнее дело сироту обижать – судьба непременно накажет.

Щербинин почувствовал, что в голове наконец-то образовывается холодный порядок, который обычно способствует здравым рассуждениям. Однако мелкая дрожь еще присутствовала в груди. Она перемешивалась с болезненным беспокойством за Андрея и усиливала душевные страдания.

– Я привезу ее домой... И что? Как поступать далее? Когда моему сыну станет лучше? – торопливо спросил Григорий Павлович, ожидая немедленно получить точные ответы.

– Господь управит. На него и надейтесь, – сказала Федосья сухо и окатила Щербинина, как ему показалось, сердитым взглядом. – Пусть Варя молится, более мне добавить нечего.

Продолжить разговор у Григория Павловича не получилось, хотя он остро нуждался в этом. В светлую просторную комнату сначала зашла русоволосая девочка, а следом появилась широко улыбающаяся Матрена. В правой руке она держала ведро, наполненное с горкой сливами.

«Зачем она притащила его, оставила бы в сених...» – Щербинин уцепился за эту мысль, стараясь сконцентрировать внимание хоть на чем-то.

– Поглядите на Варюху. Помощница какая! Завсегда мне с урожаем пособит, – стала нахваливать девочку Матрена, будто боялась, что, увидев тощую и не слишком-то хорошо одетую Варю, знатный гость передумает и деньги заберет. Она прошлась вперед и поставила ведро на пол в качестве доказательства. Две сливы соскользнули, стукнулись о дощатый пол, подпрыгнули и покатались в разные стороны. – Вещичек с собой особо дать не могу, на ней же все буквально горит, да и не успела я ей новый сарафан справить. Варя, чего там стоишь? – обернулась Матрена. – Поди сюда. За тобой барин приехал, будешь в его дому служить. Да не позорь меня там!

Федосья никаких объяснений Матрене не давала, и та сама решила, что Щербинину нужна в прислуги девочка. И она не задавалась вопросом, отчего он ищет ее не в своем владении, а приехал в соседское. Обтяпать бы поскорее дельце – и ладно. У помещиков свои причуды имеются, чего тут думать-то.

До этого момента Григорий Павлович не представлял, как выглядит сирота, которую он собирался увезти из Грушовки к себе домой. И теперь смотрел на Варю с жадностью, пытаясь уловить каждый штрих ее внешности.

«Тощая... И ясно, что сирота. Ненужность в ее виде... Но смотрит-то как. Как смотрит! Словно мыслей в ее голове много, и каждая крутится, дергается и цепляется за другую. Юбка старая совсем, нитки по подолу лохматятся... Варвара. Хотя не Фёкла, и на том спасибо. Забыл, сколько ей лет... Двенадцать. Да, Федосья говорила, что двенадцать... Не отводит глаз. Не дерзкая ли она? Только этого мне не хватало».

Перед ним стояла худая и спокойная девочка. Темно-русые волосы заплетены в тугую косу, большие глаза смотрят внимательно и выжидательно – не передать словами беззащитность и силу этого детского взгляда. Лицо открытое, светлое. И не боится, не сутулится, не мнетя, не кривляется.

На лбу Щербинина выступили холодные капельки пота, но он не стал доставать платок и вытирать их. Все решено, обратной дороги нет и побыстрее бы вернуться к Андрею.

– Варя, ты поедешь жить к Григорию Павловичу Щербинину, – неожиданно мягко произнесла Федосья. Подошла к Варе и три раза перекрестила ее. – Судьба твоя поворот делает, а ты прими его, не противься. Все к лучшему.

– Хорошо, – просто ответила девочка. Лицо ее осталось спокойным.

В коляске Варя не проявляла признаков тревоги, она оглядывалась по сторонам, будто никогда ранее не видела просторов полей и полос леса, коротко улыбалась, подпрыгивая на кочках, и явно получала удовольствие от неожиданного путешествия. Без сомнения, Варя впервые ехала в экипаже, и именно этим Щербинин объяснял ее поведение. Сидя рядом, он постоянно косился в ее сторону и успокаивал себя тем, что в любой момент может отправить эту чужую и непонятную сироту к прислуге.

«Вот ты заведи девочку и воспитанницей сделай, жизнь ей другую дай. Сын твой глаза и откроет. Доброта всегда круг совершает и возвращается...» – запульсировали в висках слова Федосьи.

– А кто твоя мать? – впервые обратился к Варе Григорий Павлович, когда за спиной остался поворот Остьюшки с мостком и старыми высокими ивами.

Девочка помолчала немного, а затем пожала плечами, мол, не ведаю, не рассказано мне.

«Но как же так? – подумал Щербинин. – Отца можно не знать, но мать же всегда известная. Не подкидывай ты».

Глава 2

Варя и не мечтала побывать в богатой усадьбе помещика. И, усаживаясь на гладкое кожаное сиденье экипажа, ощущала некоторую растерянность, наполняющую тело слабостью. Но вместе с тем сердце стучало громко и сильно, и этот звук напоминал удары ручником о раскаленный металл в кузне.

Варя ждала этого дня.

Ждала.

И вот он наступил.

Она не испытывала страха и пока не задумывалась о том, а что ее ждет впереди. Федосья сказала принять судьбу, так иначе и быть не могло.

Кто этот мужчина? Как далеко он увезет ее?

Вопросы вспыхивали и рассыпались на кочках, когда коляска подпрыгивала. Варя смотрела то по сторонам, то в спину широкоплечему извозчику, то на свои потрепанные и великоватые лапотки.

Она покидала Грушовку почти без сожаления. Теперь не подстерегут ее мальчишки возле диких яблонь, не фыркнут девчонки, проходя мимо, не напомнит крыша кузни, которую хорошо видно с пригорка, о той боли, что пришлось пережить, потеряв бабушку и отца. А впрочем, эту боль она заберет с собой.

«Григорий Павлович... – имя постоянно крутилось в голове, и Варя повторяла его и повторяла. – Смотрит на меня... Чую, смотрит... Григорий Павлович... А мать моя цыганка, только я вам этого не скажу...»

Усадьба оказалась такой красивой, что Варя замедлила шаг на утоптанной дорожке, ведущей к парадному входу дома. Дорожку обрамляли светло-серые камни, между которыми местами пробивался клевер с розоватыми шариками цветов. С левой стороны две скамейки впитывали тень раскидистых лип, ровной линией тянулся давно отцветший, но сочно-зеленый лилейник. С правой – ковром расстилалась бархатная лужайка с низкими мелколиственными кустами по краю. Белоснежная беседка с легкостью выдерживала облако разросшегося вьющегося растения, а вдалеке виднелись две небольшие постройки с коричневыми крышами.

Дом возвышался величественно и безмятежно. Бежевые стены украшала лепнина, а балкон второго этажа, огражденный черной кованой решеткой с загадочным узором, удивлял и манил. Каждый завитокковки хотелось разглядеть во всех подробностях, но для этого нужно было хотя бы подойти ближе и задрать голову вверх. А еще лучше – очутиться на балконе.

Три арки первого этажа скрывали главную дверь и одновременно приглашали войти. Большие окна смотрели внимательно и холодно, мол, что за гость к нам странный пожаловал?

«Это я... Варвара Степановна Обручева, дочь кузнеца, – на всякий случай мысленно произнесла Варя и зачем-то добавила: – Доброго здоровьечка вам, погоды благодатной и... мышей поменьше. А то жрут они все, проклятые, сладу нет». Будто дом и впрямь был живым, мог с благодарностью уловить пожелание и принять его.

Около минуты Варя справлялась с эмоциями – они вспыхивали, налетали друг на друга, теснились, гасли и вновь вспыхивали. А потом она тихо прерывисто вздохнула и устремилась дальше, не глядя на Щербинина, протыкающего ее недовольным взглядом. Григорий Павлович явно спешил, но как было не остановиться, не налюбоваться этим прекрасным местом, не надышаться вечерним воздухом, щедрым на ароматы трав и цветов.

– Поторопись, – резко произнес Щербинин, и Варя ускорила шаг, понимая, что слишком уж задерживает хозяина усадьбы.

Она не сомневалась, что внутренняя обстановка дома ее тоже восхитит, и уже ловила первые искры возрастающего любопытства. Хотелось увидеть все и сразу и непременно запомнить в мелочах. Зачем?

«Я же буду здесь жить... Правда ли это или только чудится? Нет, не чудится, ни капельки не чудится».

Но зайдя в дом, Варя успела лишь быстро оглядеться и подивиться размеру просторной комнаты, блестящему полу, похожему на озерную гладь, тяжелым бордовым шторам с золотистой бахромой и широкой темно-коричневой лестницей – гладкой, с красноватым отливом, ровными ступеньками и разлетом наверху в обе стороны. Не лестница, а птица, расправившая крылья и замершая в воздухе.

– Вечер добрый, Григорий Павлович, – раздался женский голос, и Варя от неожиданности вздрогнула и повернула голову. – Пока без изменений. Распоряжения имеются?

Рядом со Щербининым стояла сдержанная и уже немолодая женщина, умеющая ходить бесшумно. Варя не услышала ни шага, ни шороха и никак не могла понять, откуда та взялась. Дверей вокруг много, но они закрыты и не хлопали.

– Подожди, Агафья... – начал Григорий Павлович и замолчал, болезненно сморщившись. Между его бровей образовалась глубокая складка, губы сжались в линию. Он будто хотел что-то сказать, но по какой-то неведомой причине не делал этого.

Варя качнулась на пятках, перевела взгляд на женщину и принялась изучать ее, пытаясь угадать, а кто же она? Строгое синее платье с глухим воротником и сдержанное поведение говорили о том, что это прислуга, но не мелкая, а важная и уважаемая.

Волосы у Агафьи были цвета высушенного на солнце песка и с проседью – аккуратно уложены в сложную прическу с мелкими тугими локонами, закрывающими уши. Под глазами и вокруг губ присутствовали морщинки. Лицо хранило спокойствие, но Варя почувствовала подвох. Агафья тоже изучала ее, и взор глаз цвета древесной коры не был прохладным – он скользил вверх, вниз и пытался пробраться под кожу. Варю даже почудилось, будто только что все ее косточки были посчитаны и цепко придирчиво рассмотрены.

– Мы пойдем к Андрею, – наконец произнес Щербинин, взял Варю за руку и потянул за собой. – Да, мы пойдем к Андрею. Я хочу немедленно увидеть его, – добавил он уже на ходу, тяжело дыша от явно возрастающей тревожности. – Агафья, он пил воду? Хоть немного?

– Возможно, несколько капель... – ответила она, не отставая.

Варя не понимала, что происходит, и ей очень хотелось, чтобы Григорий Павлович не сжимал столь сильно ее пальцы и шел несколько медленнее. Мелькали комнаты – голубая, синяя, зеленая... Пролетали картины, кресла, диваны, шкафы... От красоты и богатства округлялись глаза, нос щекотали новые смолистые и сладковатые запахи, в груди пекло, в животе ныло не то от быстрой ходьбы, не то от голода. И отчего-то на душе было хорошо, как если бы впереди ожидало чудо-чудное, диво-дивное.

Щербинин остановился около тяжелой распахнутой двери и требовательно произнес:

– Марья, ступай к себе!

Из комнаты торопливо вышла маленькая светловолосая женщина в простом сером платье. Коротко кивнув Григорию Павловичу, она бесшумно направилась в ту сторону, откуда они пришли. Походка Марьи была настолько плавной, что Варю немедленно захотелось ходить точно так же. Не ходить, а плыть, не касаясь ногами пола.

– Когда понадобится, я позову Татьяну. Ее черед заботиться об Андрее Григорьевиче, – сказала Агафья, сцепив руки перед собой.

Щербинин подтолкнул Варю вперед и произнес тихо, но четко:

– Иди. Сядь подле него. Это мой сын.

– Григорий Павлович, вы уверены? – осторожно спросила Агафья. – Девочка несколько... м-м... Ее умыть бы надо.

– Уверен.

Варя помедлила, а затем шагнула в комнату и увидела большую кровать из темного дерева, на которой лежал кто-то... Стены и мебель сразу стали расплывчатыми и вовсе неинтересными. Желание разглядывать их растаяло без следа.

«...и тогда на нее наслали густой туман, – вспомнились слова из сказки про добрую царевну. Бабушка однажды рассказывала. – Чтобы дороги домой она уж больше не нашла и позабыла о прежней жизни на веки вечные...»

Подойдя ближе, Варя остановилась, приподнялась на цыпочки и опасливо вытянула шею, пытаясь понять, чей же покой она нарушила.

На кровати под простыней, доходящей до груди, лежал темноволосый юноша. Его глаза были закрыты, кожа бледна, губы серы. Голова – на белоснежной подушке, руки вытянуты вдоль тела.

«Живой ли?.. – Варя приблизилась к кровати, уловила тихое дыхание юноши, вздохнула с облегчением и медленно села на рядом стоящий стул. Но расстояние не устроило, и она придвинула стул ближе. Вот теперь можно было хорошо изучить и густые ресницы, и прямой нос, и родинку-точечку возле уголка губ. – Ты почто лежишь не шевелишься? Какая хворь тебя мучит?»

Варя повернула голову к двери и вопросительно посмотрела на Щербинина и Агафью, замерших и не сводящих с нее глаз. На их лицах значилось ожидание, но как понять, что надобно делать, если никто об этом ничего не сказал.

– Помолись за него, – произнес Щербинин хрипло и кивнул, настаивая. Его каштановые волосы, пропитавшись потом, прилипли ко лбу, бакенбарды же, наоборот, распушились. Вид у Григория Павловича был измученный и уставший, однако покрасневшие щеки говорили о том, что душа его покоя не имеет.

– Да знает ли она молитвы? – тихо спросила Агафья.

Варя перевела взгляд на юношу, подняла руку, задержала ее в воздухе, а затем опустила и коснулась крепкого запястья – теплого, чужого. Молитву о здравии она знала, но от нахлынувшего волнения никак не могла вспомнить начало.

Пальцы Вари неожиданно запекло. По руке к плечу, а вскоре и к сердцу побежал приятный колющий ручеек, и почудилось, что в комнате стало гораздо светлее. Душу наполнили отчаяние и жгучее желание увидеть сына Щербинина иным – не умирающим, с открытыми глазами. И слова сами слетели с губ.

– Скорый в заступлении Един сый, Христе, скорое свыше покажи посещение страждущим рабам Твоим и избави от недуг и горьких болезней... – она напевно читала молитву, глядя в потолок, позабыв о Щербинине и Агафье, крепче и крепче сжимая запястье юноши, ощущая темноту его положения и тишину мыслей. – Ты – единственный скорый Заступник, Христе, яви же свыше скорую помощь страдающему рабу Твоему, избавь его от недугов и тяжких болезней, подними его по молитвам Богородицы...

Когда молитва закончилась, Варя сразу начала повторять ее опять, прижав ладонь к груди. Ее звонкий и чистый голос наполнял комнату, устремлялся то к окну, то к образам, то к потолку.

После пришел черед другой молитвы, которую Варя знала хуже, однако это не смутило – подходящие фразы вспыхивали и добавлялись сами: «помоги, Господи, ему, помоги», «отпусти ему все согрешения», «прошу, возврати ему здоровье и силы телесные», «молю об исцелении раба Божия Андрея».

Варя потеряла ощущение времени и не представляла, давно или недавно она очутилась в доме Щербинина. Все казалось неважным, кроме одного – спасти того, чью руку она не отпустила. А когда слова в душе стихли, Варя перекрестилась, осторожно поднялась со стула, наклонилась над юношей и пристально, с надеждой, заглянула ему в лицо.

Ресницы дрогнули.

Глаза открылись.

Взгляды встретились.

Варя ойкнула от неожиданности, но отступить не стала. Ее точно сила какая-то держала, давая возможность новому и загадочному чувству пустить корни в душе. Сейчас она ощущала непонятную связь с этим юношей и не могла оторвать от него глаз. Теперь он не казался таким уж чужим – вот в чем дело...

– Ожил, чё ли? – спросила она, сама не ведая у кого.

– Андрей! – раздался возглас Щербинина, и через пару мгновений хозяин дома резко отодвинул Варю в сторону.

* * *

Андрей был все также бледен и неподвижен, но ресницы дрожали. Григорию Павловичу показалось, что тень мимолетной улыбки тронула губы сына. Невозможно, невероятно, чего только не привидится в состоянии столь сильного нервного перенапряжения. Но, с другой стороны, зная характер Андрея, Щербинин вполне мог предположить, что тот улыбнулся мысленно. Мол, дорогой отец, я на тот свет вовсе не собираюсь, а ты горевать удумал.

– Агафья, пошли за доктором! Да пусть Алексею Михайловичу скажут, что комнату я ему предоставлю, дело к ночи, – старательно сдерживая слезы, торопливо, с надрывом произнес Григорий Павлович, не оборачиваясь к экономке. – И отправь письмо в Москву профессору Воронцову, умали приехать. Нет... Что я говорю?! Я сам напишу!

Андрей опять приоткрыл глаза и закрыл их. В ушах Щербинина зазвенело, и он выпрямился, чтобы перевести дыхание и успокоить сердце. Не время поддаваться эмоциям.

– Агафья, пришли Татьяну. И пусть принесет бульона... свежего и горячего бульона... – Григорий Павлович стал говорить тише, боясь громким тоном причинить неудобство Андрею. Ему хотелось смеяться и плакать одновременно, и лишь усилием воли он сдерживал и то и другое. Но щека дергалась, а в груди оглушительно ухало.

«Я верил... я знал... Андрюша, родной мой... Теперь жизнь наладится! Господи, спасибо...» И он возвел глаза к потолку, а затем, не выдержав накала чувств, наклонился и принялся непрерывно гладить руку сына – от плеча к локтю.

– Андрюша... Андрюша...

– Григорий Павлович, все будет исполнено. А как поступить с девочкой? – раздался ровный голос Агафьи.

Щербинин настолько отдался приступу лихорадочной радости, что не сразу понял, о ком речь. Повернув голову в сторону экономки, Григорий Павлович увидел около стула Варю и приподнял брови, недоумевая, как он мог о ней позабыть. Девочка стояла спокойно, заложив руки за спину и внимательно смотрела в ответ. Из темно-русой косы выбилась короткая упрямая прядка, и именно она отчего-то вызвала звенящую вспышку раздражения. Щербинин напрягся, резко отвернулся и произнес негромко, но четко:

– Устрой ее в дальней комнате. – И не желая больше отвлекаться от сына, Григорий Павлович отправил ему переполненный любовью взгляд и позвал: – Андрей... Ты слышишь меня, Андрей?

– Отец... – почти беззвучно слетело с бледных губ.

* * *

Варя не понимала, отчего все еще стоит, а не лежит на полу. Она должна была упасть и превратиться в жухлый цветок – ромашку или мак.

«И все же мак, – пролетела прохладная мысль, – он увядает красивше».

Силы оставили ее неожиданно, поселив в ногах онемение, в руках вялость, а в груди – тяжелое изнеможение. В глазах то темнело, то рябило, губы пересохли и требовали хоть капельки воды.

Прошлой осенью Варя простыла и долго болела, и вот тогда она чувствовала себя точно так же, как высушенная былинка, послушно ждущая, когда же ее унесет ветер.

«Кипятку бы... и мёда...»

День выдался тяжелый, но дело было не в этом. Варя могла поклясться, что кто-то забрал ее душевный пыл и стойкость: стремительно вытянул их из груди. И стало страшно – отдаст ли после?

– Пойдем со мной, – слова Агафьи обожгли уши, и крепкая ладонь сжала ее пальцы. – Ты голодна? Тебе нужно помыться. Почему ты так медленно идешь? Что с тобой?

– Не знаю...

Через мгновение Варя с удивлением обнаружила, что они уже не возле кровати, на которой неподвижно лежал сын хозяина дома, а под лестницей. И Агафья дает кому-то быстрые распоряжения, повторяя их по два раза. Ее голос звучал четко, повелительно и... не давал уснуть стоя. Затем картинка сменилась, и мимо, подпрыгивая и растворяясь в воздухе, поплыли окна, столики, вазы, двери... А потом настойчиво запахло едой – вкусной, жирной, наваристой. Эти ароматы вызвали спазм в желудке и возрастающее желание разгадать их. А уж Варя всегда хорошо определяла, что готовится.

«Курица, – подумала она, вдыхая шумно и глубоко. – Сочная курица... бульон... И греча с морковью, укропом и маслом».

И эти манящие запахи дали ей силы и ускорили шаг.

– Я занимаю место экономки, называй меня Агафьей Дмитриевной.

Споткнувшись о край ковра, Варя кивнула.

Они очутились в небольшой комнате с плотно задернутыми шторами. Взгляд выхватил в полумраке кровать со стопкой подушек, и певучая колыбельная немедленно зазвучала в голове: «Баю-бай... баю-бай... люленьки-люли... баю-бай...» Варя высвободила руку и медленно, шаркая лапотками, направилась к кровати. Легла поверх мягкого бархатистого покрывала, свернулась калачиком и прошептала:

– Доброй ноченьки, Агафья Дмитриевна.

Закрыв глаза, Варя широко зевнула и почти сразу уснула, надеясь, что утром силы к ней непременно вернуться, и уж тогда она внимательно осмотрит каждый уголок дома.

Глава 3

Когда Андрей очнулся, Агафья позволила себе лишь короткую улыбку счастья – губы дрогнули, не более того. Много лет этот дом держался на ее плечах, и никогда не стоило забывать об этом: ни в горе, ни в радости. Если не она, то кто распорядится относительно бульона, проследит за сменой сиделок, пошлет за доктором, решит все вопросы, связанные с не пойми откуда взявшейся деревенской девочкой?.. А вот сердце пусть поет, оно так долго страдало в ожидании выздоровления Андрея, молило и берегло надежду.

Агафья подошла к окну, сцепила руки перед собой, чуть приподняла подбородок и замерла, наблюдая за Варей, крутившейся возле старой раскидистой липы. Девочка собирала клевер, и это занятие ей явно нравилось. Разглядывая каждый цветок так, будто тот имел бесспорную уникальность, она нюхала его и добавляла к маленькому букетику, лежащему на краю скамьи.

«Уже четыре дня она живет у нас... И кажется, ее это вполне устраивает. Кто родители Варвары? Была ли у нее семья? Есть ли она сейчас? Вряд ли... Девочка ни по кому не скучает».

Агафья никогда не позволяла себе любопытствовать или каким-либо образом подвергать сомнению решения Щербинина. Во всяком случае вслух. Но появление Вари было настолько неожиданным и невероятным, что сдерживать порыв – узнать все и сразу – удавалось с трудом. Своим присутствием девочка нарушала порядок, установленный годами, и это напрягало нервы и частенько сталкивало мысли. Однако было то, что заставляло отвлекаться от обязанностей по дому и задерживать дыхание...

Андрей пришел в себя после молитвы Вари. Она спасла его. Вымолила здравие у Господа.

«И именно этого ожидал Григорий Павлович. Он привел девочку в комнату сына, надеясь на его спасение...»

Мурашки побежали по рукам Агафьи, и она торопливо отошла от окна. В жизни случаются всякие совпадения, но невозможно забыть, как напевно и искренне произносила Варя молитву, как смотрела в потолок, как держала запястье Андрея.

«Мне совершенно не нужно об этом думать, – остановила себя Агафья, прогоняя очередное воспоминание. – Гораздо важнее решить, что делать с девочкой... И как к ней относиться? Прислуга шепчется, интересуется, но никаких пояснений я дать не могу».

Положение усложнялось тем, что Григорий Павлович не заговаривал о Варе. Воодушевленный, он проводил много времени около Андрея, принимал то местного доктора, то московского профессора, то спешил в церковь, то заседал в конторе, погружаясь в хозяйственные дела имения, накопившиеся за последние дни. И Агафья, раздобыв одежду для Вари у прислуги, просто ждала. Но долго так продолжаться не могло, у каждого человека в усадьбе есть статус, и исключения невозможны.

«Восемнадцать лет я служу этой семье и впервые не понимаю, что происходит».

Агафья рано стала сиротой, и ее под свое крыло взяла тетка по материнской линии Наталья Гавриловна – женщина категоричная, вспыльчивая, но совестливая и додельная. Она обшивала состоятельные семьи и кроме трудолюбия имела еще и безусловный вкус. Задолго до бальных сезонов к ней образовывалась нетерпеливая очередь – дамы желали заполучить самые красивые платья, скроенные по последней моде. И Агафья с утра до вечера помогала тетке: принимала заказчиц, угощала их чаем, подносила ткани, ленты и кружева, вырезала по выкройкам, утюжила, старательно собирала годные для отделки обрезки, убиралась... И такая жизнь устраивала бы всех и далее, но Наталья Гавриловна неожиданно вышла замуж за вдового цирюльника, имеющего двух дочерей – тринадцати и пятнадцати лет.

– У меня теперь слишком много помощниц, а тебе, Агафья, нужен свой путь. Семнадцатилетие прошло, и надо бы уже определяться, – тоном не терпящим возражений произнесла за

завтраком Наталья Гавриловна. – Я могу подыскать тебе хорошего мужа или достойное место с проживанием. Связи у меня имеются, ты об этом знаешь. Так что выбирай.

Выходить замуж без любви Агафье не хотелось, а ее невыразительная внешность и сдержанный характер не способствовали развитию личной жизни. Она не ловила заинтересованные взгляды, не получала тайные послания и сама сторонилась мужчин, побаиваясь их. Поэтому выбора особого не имелось.

Хлопоты Натальи Гавриловны заняли немного больше недели и привели к тому, что Агафья переехала к зажиточным Новицким, не желающим тратить много денег на няню для своего озорного пятилетнего сына Александра. Через три года, когда у мальчика появилась гувернантка, Агафья была рекомендована помещику Дурову, отцу двух девочек-близняшек. И далее дорога судьбы уже не сворачивала: хвалебные рекомендательные письма накапливались, а искать работу, как только подопечный ребенок вырастал, не приходилось – предложения поступали сразу.

Когда Агафья переступила порог дома Щербинина, ей уже исполнилось тридцать восемь лет, и за плечами имелись неудачный роман с любвеобильным садовником и огромный опыт ухода за детьми. «Самое главное для меня – честная работа. Чтобы каждый день ложиться спать со спокойным сердцем и уверенностью, что все сделано правильно», – думала она, привыкая к новому дому, принимая его правила.

Агафья не была склонна к умилению, нежности и трепету, ее душа не прикипала к доверенному ребенку. Каждую семью она покидала без лишних эмоций, с чувством выполненного долга, довольно быстро переключая мысли на очередные заботы. Сердце дрогнуло лишь однажды – когда Агафья взяла на руки новорожденного Андрея. Нет, она не позволила себе всепоглощающей любви и не испытала материнских чувств, но дни стали ярче, а смысла в жизни – больше.

Временами Агафья сожалела, что не знает французского языка. Это позволило бы дольше задержаться у Щербинина. Пройдут годы, и Андрею потребуется образованная гувернантка и учителя, а надобность в няне отпадет. И тогда придется вновь упаковывать вещи и уезжать. «Не хотелось бы...» – с долей занозистого огорчения думала Агафья.

Андрея нельзя было назвать ласковым, спокойным и добродушным мальчиком. Летом он носился по усадьбе, не ведая усталости, пропадал в кузне или на конюшне, верховодил малышкой прислуги, норовил убежать на речку, придумывал военные игры, которые частенько заканчивались «великими битвами и взятием крепости». Возвращаясь в Москву каждую осень, Андрей мгновенно превращался в городского ребенка, находя удовольствия и в светской жизни. Его осанка менялась на горделивую, взгляд становился прохладным и оценивающим, фразы приобретали стройность и выразительность, а в круг интересов попадали уже прогулки в экипажах, магазины игрушек, модные обновки и поездки на различные приемы.

Григорий Павлович требовал от Агафьи невозможного. В ее обязанности входило постоянное присутствие рядом с Андреем и воспитательный процесс, но при этом ни в коем случае нельзя было мешать юному Щербинину обретать мужской характер.

– Моему сыну дозволяется абсолютно все, ничего не запрещайте, но следите, чтобы он всегда находился в безопасности и не расстраивался. И я хочу, чтобы он вырос достойным человеком, а не избалованным.

Наказы Григория Павловича часто были сумбурны и противоречивы, однако Агафья довольно быстро привыкла к этому и выполняла свою работу так, как считала нужным, с учетом непростого характера Андрея. И она знала, что Григорий Павлович нуждается в ее решениях и заботах, и не было случая, чтобы он сделал ей замечание или оспорил какое-либо действие.

Когда Андрею исполнилось семь лет, Григорий Павлович пригласил француженку, хорошо владеющую еще и английским языком. Через год в доме появилась молоденькая, но

весьма толковая и ответственная гувернантка, влюбленная во все науки сразу. «Повезло нам с ней, решительно повезло!» – восклицал Щербинин, подводя итоги первых учебных недель.

Агафья принялась считать дни до своего отъезда. Все тяжелее и тяжелее было смотреть на Андрея – расставание близилось и отменить его не представлялось возможным. Но шли месяцы, а Григорий Павлович продолжал отдавать поручения, предпочитая общаться не с гувернанткой, а с Агафьей.

– Агафья Дмитриевна, проследите, чтобы задания были выполнены, мне спокойнее, когда занятия контролируете именно вы.

В такие моменты Щербинин всегда обращался на «вы» и с официальными нотами в голосе. Наверное, подобным образом он желал подчеркнуть особую важность поручений.

Когда Андрею исполнилось десять, Григорий Павлович пригласил Агафью в свой кабинет и сообщил, что экономка покидает их семейство, так как получила небольшое наследство и планирует жить в собственном доме под Тверью.

– Агафья, я надеюсь, ты займешь ее место и избавишь меня от ненужных беспокойств и суеты. Я всегда отмечал твою добросовестность и не хочу, чтобы ты когда-либо уезжала от нас. Кардинальные перемены категорически ни к чему, да и я совершенно не расположен брать чужого человека на столь ответственную должность. Я ценю домашний покой и мне требуется уверенность в людях, находящихся рядом.

И это был тот момент, чуть ли не единственный в жизни, когда Агафья растрогалась до слез. Она и не мечтала о подобной радости, но Небеса неожиданно преподнесли особенный подарок. «Господи, спасибо», – торопливо подумала Агафья, а вслух произнесла:

– Благодарю, Григорий Павлович. Это будет для меня и честью, и счастьем.

И она чуть опустила голову, чтобы Щербинин не заметил блеска слез в глазах. Отныне можно не беспокоиться о завтрашнем дне. Вернее, завтрашний день всегда будет приносить долгожданное ощущение устроенности и тихой отрады. Потому что только эта семья тронула душу, и иной работы не надобно даже за более высокое жалованье.

Когда с Андреем случилась беда, Агафья не позволила себе погрузиться в пучину отчаяния. Еще никогда Григорий Павлович не был настолько раздавлен, растерян и беспомощен, еще никогда она не ощущала себя настолько необходимой. Черное горе сокрушало и до боли сжимало сердце, но ответственность и надежда не давали расслабиться. И это было к лучшему. Агафья выполняла все поручения, решала различные вопросы, временами и сама становилась сиделкой, неустанно молилась и гнала прочь страшные мысли. Она превратилась в скалу, не замечающую пагубных ветров, и это состояние не подпускало сокрушительные сомнения.

И чудо случилось.

И совершила его Варя.

Расскажет ли когда-нибудь Щербинин об этой девочке? Как получилось так, что их дороги пересеклись в тот момент, когда трагедия уже нетерпеливо поглядывала на часы?..

«Или самой выпросить у Варвары? Нет. Нельзя. Не мое это дело. Если Григорий Павлович посчитает нужным, то поделится со мной историей знакомства с Варей. – Агафья убрала пылинку с юбки платья и посмотрела на свое отражение в прямоугольном зеркале, обрамленном лакированной деревянной рамой с незамысловатым узором. – Андрей идет на поправку, а остальное не имеет значения. Господи, прошу тебя, пошли ему крепкого здоровья». И она перекрестилась.

Андрей был еще весьма слаб, но он уже сам садился на кровати и съедал все, что было разрешено доктором. Помогали подушки, подложенные под спину, и такая черта характера, как упрямство. «Агафья, скажи честно, хоть ты меня хоронить не собиралась?» – слабо улыбаясь, хрипло и с иронией спросил Андрей, как только появились силы. Нет, она не собиралась. Она верила, верила и верила...

Вернувшись к окну, Агафья вновь устремила взгляд на Варю и недовольно вздохнула.

«Так продолжаться не может. А если девочка вздумает уйти? Кто будет виноват? Я... Дозволено ли ей уходить? Есть ли ей куда идти?..»

Помедлив немного, Агафья резко развернулась и направилась в кабинет Щербинина. Часть ее работы – определять возможные проблемы и устранять их. И не стоит забывать об этом.

Дверь была распахнута, а в таких случаях Агафья обычно останавливалась на пороге и ждала, когда Щербинин обратит на нее внимание, и лишь после обстоятельно озвучивала существующее затруднение или новость. Но в этот раз она позволила себе тихо кашлянуть, желая поскорее приступить к разговору.

Григорий Павлович стоял около письменного стола и перебирал корреспонденцию, пришедшую за последнее время. Некоторые конверты, телеграммы и извещения он откладывал вправо, другие – влево, явно сортируя по важности. От переживаний Щербинин прилично похудел, но сейчас выглядел даже неплохо: выздоровление сына уже вернуло ему и здоровый цвет лица, и силу в мышцах, и бодрость духа. Посмотрев на Агафью, Григорий Павлович выпрямился и спросил:

– Андрей проснулся? Он звал меня?

– Нет, пока спит. Марья непременно сообщит, когда он проснется.

– Ты что-то хотела? – Щербинин небрежно отправил на стол оставшиеся неразобранные конверты и вопросительно приподнял брови.

– Григорий Павлович, в нашем доме теперь проживает Варвара. Девочка предоставлена сама себе, и у нее много свободного времени. Она не больна, аппетит хороший, – ровно произнесла Агафья, делая несколько шагов вперед. Брови Щербинина опустились и сразу сошлись на переносице, губы сжались. – Григорий Павлович, мне необходимо знать, как поступать с Варварой. У девочки нет своей одежды, и пока ее положение не понятно... Она надолго останется у нас? Будут какие-либо распоряжения относительно нее?

Встретившись взглядом со Щербининым, Агафья поняла, что простых ответов на эти вопросы не существует.

* * *

Радость затмевала все. Она окружала сердце, ускоряла минуты и требовала постоянных действий.

Первые два дня Григорию Павловичу было трудно усидеть на месте – его непрерывно тянуло к Андрею. Однако Щербинин понимал, что сыну требуется отдых от разговоров и однообразного беспокойства: «Как ты себя чувствуешь?» и «Возможно, у тебя есть пожелания?» И он уходил к себе, чтобы погрузиться в будничную работу.

На какое-то время радость оттеснила Варю, размыла ее образ до полупрозрачного состояния. Но так не могло продолжаться вечно, и уже вчера вечером в груди задержалась горячая ниточка нерва.

«Надо что-то делать с девочкой. Но что?.. А не отправить ли ее обратно? Уедет – и забудется... Она же совершенно из другой среды».

Волнение неприятно заерзало, и Щербинин, выпив крепкий кофе, в очередной раз отложил решение проблемы на потом.

Иногда вспоминались звенящие фразы Федосьи, но категорически не хотелось верить в то, что именно Варя спасла Андрея. Нельзя же вот так запросто перечеркнуть допустимость совпадения. Стечение обстоятельств возможно всегда!

«Мало ли что знахарка говорила, – жужжало в висках, а затем торопливо приходила следующая мысль: – Но за свою услугу денег она с меня не взяла... Так зачем бы болтала все это? Девочку пристроить? Но не родня она ей... не родня...»

Несколько раз за утро Щербинин начинал разговаривать на эту тему сам с собой и почти сразу отмахивался от назойливых и болезненных размышлений. После, все после... Вот только в глубине души он знал, что выкручивается, придумывает, пытается оградить привычную размеренную жизнь от совершенно ненужного деревенского ребенка... И еще знал, что избавления от взятых обязательств не будет. По одной весомой и острой причине.

Страшно.

Господа разгневать страшно.

Слишком уж большая вероятность того, что именно Варя вернула к жизни Андрея. Она молилась, и чудо случилось, да и Федосью позабыть не получится.

– Девочка останется жить у нас, – наконец произнес Щербинин, громыхнул тяжелым стулом, сел за стол и побарабанил пальцами по кожаной папке. Выражение его лица стало холодным, но блеск в зелено-коричневых глазах и жесткий взгляд говорили о том, что спокойствие в душе отсутствует. Сейчас был именно тот момент, когда требовалось смириться с переменами и посчитать их обязательными. И Григорий Павлович понимал это и готовился отдалиться неумолимому течению реки судьбы. Сжав кулаки, он шумно вздохнул, посмотрел на Агафью и раздраженно добавил: – Займись ее гардеробом и избавь меня, пожалуйста, от каких-либо мелких вопросов.

– Непременно, Григорий Павлович. Какой статус будет у Варвары? Мне надлежит знать, чтобы правильно подобрать одежду.

Он молчал долго, точно слов для ответа в русском языке не существовало и их требовалось придумать. А затем произнес без эмоций, подводя черту под всеми мучительными сомнениями и неприязнью к ситуации:

– Варвара будет моей воспитанницей. Она должна хорошо одеваться, четко и правильно изъясняться, вести себя подобающим образом и проявлять повышенную скромность. Девочка – сирота, и я взял на себя труд побеспокоиться о ее судьбе. Господь велел совершать благие дела, так к этому событию и следует относиться. Я догадываюсь, о чем будет шептаться прислуга, и поэтому заявляю сразу – Варвара не является моей незаконнорожденной дочерью, о ее семье мне ничего не известно. – Григорий Павлович выдержал паузу, которая давала возможность лучше понять реакцию всегда сдержанной Агафьи. Надо привыкать к тому, что новость шокирует многих. Но экономка лишь коротко кивнула и далее осталась неподвижной. – Узнай у Варвары все необходимые подробности... Когда у нее день рождения? Чем болела? Кто ее мать?... Не представляю, какие данные нам понадобятся, – уже с нервозностью в голосе закончил Щербинин.

– Я сделаю все необходимое, – вновь кивнула Агафья. – Девочке нужна гувернантка. Ее речь простовата, и наверняка Варя не умеет читать и писать. В этом возрасте и по предметам должны иметься определенные знания.

– Ты права. Гувернанткой я озабочусь сам. Ее необходимо найти в ближайшее время.

– Будет ли Варя присутствовать за столом с вами и Андреем Григорьевичем? – ровно спросила экономка, но Щербинин уловил тень неуверенности на ее лице.

Он чувствовал, что у Агафьи много вопросов, но, скорее всего, она не задаст их сегодня. Вероятно, не так уж и просто их произнести. Он и сам не был готов озвучивать многое и, выдав главное, старался отодвинуть остальные моменты на задний план. После, все после... Но, увы, какое-либо «после» уже не допускалось.

– Только за ужином, – произнес Щербинин, утешая себя тем, что по возвращении в Москву он не всегда будет вечерами дома, а Андрей вернется в петербургскую военную гимназию. – Но сначала приведите девочку в порядок, обучите хотя бы элементарным правилам этикета и объясните уклад нашей семьи. Я не потерплю шума, беспорядка и бескультурья. Это лучше Варваре уяснить сразу, иначе она будет отправлена обратно в Грушовку. Я исполняю

благое дело, но это не значит, что моя жизнь должна измениться хоть как-нибудь. И уж тем более она не должна стать хуже.

– Ни о чем не беспокойтесь, я поговорю с вашей... воспитанницей. Нужно ли Варвару переселить в другую комнату?

– Нет.

Когда Агафья ушла, Щербинин еще некоторое время думал над тем, а не является ли это спасением? Если девочка будет совершенно неспособна занять достойное место в семье, окажется ленивой, бездарной или своенравной, то позволительно ли в таком случае вернуть ее обратно? Позволительно ли Господом? Если Варваре не интересно будущее другого качества, если ей приятнее и вольнее бегать по лугам, а не изучать грамоту, то не вина же в этом кого-либо?

«Не моя вина!»

– Посмотрим... посмотрим... – пробормотал Щербинин и озадачился возникшими проблемами.

Во-первых, требуется найти гувернантку. Но пока нет внутренней готовности объявить обществу о появлении воспитанницы. Сначала необходимо... «Отмыть ее и образовать хотя бы немного». А значит, обратиться к привычным связям не получится и искать гувернантку придется через агентство, хотя это и не слишком надежный способ. «Но всегда можно проверить рекомендательные письма... Если, конечно, у меня будет время их проверять».

Во-вторых, необходимо оформить документы на девочку, и деньги, безусловно, помогут уладить этот вопрос.

В-третьих, надо бы решить, как объяснить Андрею появление Вари.

Поднявшись из-за стола, заложив руки за спину и нахмурившись, Григорий Павлович заходил по кабинету туда-сюда. Его дыхание стало тяжелым и прерывистым уже после четвертого разворота, а натянувшиеся нервы поселили неприятную дрожь под ребрами.

«Андрею я скажу то же самое, что и Агафье... Да, я решил совершить благое дело и вряд ли меня можно за это осуждать... И девочка мне никто. Это важно! – Щербинин облегченно вздохнул, ощущая себя лучше. – И ни в коем случае... ни в коем случае Андрей не должен узнать, что Варвара причастна к его выздоровлению. Это лишнее. Я не хочу, чтобы он жил с тем навязчивым липким ощущением, будто он ей чем-то обязан... Вполне достаточно того, что я принял девочку в семью. В определенном смысле принес в жертву наш покой. Да и случайность, совпадение исключать нельзя! Андрей ничего не должен знать. И на этом точка».

Распорядившись принести чай с хлебом и клубничным вареньем, Щербинин вернулся к письмам. Эхо слов еще беспокоило, но теперь, когда все было обдумано, терзания покинули душу, и даже стали приходить совершенно неожиданные мысли:

«Подрастет, и я незамедлительно выдам ее замуж. А это вообще замечательно. И от меня потребуются лишь благословение и небольшое приданое. И то и другое мне ничуть не жаль предоставить».

* * *

Красота окружала со всех сторон и завораживала. Иногда Варя останавливалась, замирала и долго смотрела то на горделиво изогнутую спинку стула, то на золотистую узорчатую ручку ящика шифоньерки. До подушки, лежащей на диване и вышитой тончайшими блестящими нитками, было страшно дотронуться – ее словно припорошил снег, да так и остался, не растаял. Гладкие перила лестницы, бахрома на тяжелых шторах, круглые столики с белоснежными скатертями до пола, толстые книги с золотыми буквами на корешках, высокие вазы с узкими горлышками, камин, помнящий жар огня... Варя цепко и внимательно разглядывала абсолютно все, а затем устремлялась в сад, чтобы отдышаться. Впечатления переполняли

душу, а поделиться ими было совершенно не с кем и поэтому приходилось доверять новые дрожащие ощущения раскидистым липам и клеверу.

Варя вовсе не чувствовала себя уверенно среди богатства дома Щербинина и осторожничала в общении с прислугой. Если кто-то задавал вопросы, она или отвечала кратко и расплывчато, или пожимала плечами. Любопытные взгляды частенько летели в ее сторону, а на кухне за спиной раздавался торопливый шепоток: «Кто она?.. Надолго ли к нам?..»

И стены, и люди не принимали Варю, но она и сама еще не была готова довериться этому дому и посчитать его родным. Случится ли такое когда-нибудь? Можно ли полюбить чужую красоту?

«Агафья Дмитриевна дозволила гулять в саду только до первых свечей, – думала Варя, сворачивая на узкую каменную дорожку. – Надо бы чаще на оконца смотреть, чтобы огоньки не пропустить, а то вечереет быстро, кабы не осерчала Агафья Дмитриевна».

Несмотря на сухость и строгость экономки, Варя постепенно начинала испытывать к ней привязанность. От этой крепкой женщины, обладающей прямой спиной и бесшумным шагом, всегда веяло покоем и налаженностью, и иногда хотелось подойти и просто взять ее за руку. И постоять так немного, погружаясь мыслями в прежнее времечко.

«Как там Андрей Григорьевич поживает? Уж, должно быть, здоровьице прибавилось. Вчера ему кашу с мясом стряпали и яблоки запекали...»

Варя частенько вспоминала Андрея, и тогда неведомая сила тянула ее в ту комнату, где он лежал на кровати. Но нельзя нарушать покой сына хозяина дома – заругать могут. Да и не ждут ее там, так чего же нос совать в дверную щель и напрашиваться на крепкое словцо?

Если Варя сильно зажмуривалась, то ей виделось бледное лицо Андрея и слышалось его еле уловимое дыхание, и в душе тихо и нараспев начинала звучать молитва о здравии – слова тянулись мягкой шерстяной нитью и сматывались в клубок где-то под сердцем. Варя открывала глаза и отправлялась на прогулку с улыбкой и легкостью.

На заднем дворе она замечала детей прислуги, однако не стремилась с ними приятельствовать. Примут ли? Это беспокойство неприятно ерзало в груди и заставляло поворачивать голову в другую сторону. «Иногда нужно делать вид, будто все у тебя ладно и добро. Тогда худое само уйдет, потому что с тобой ему лишь досада смертная будет», – когда-то говаривала бабушка.

Нагулявшись, Варя направилась в кухню. В животе уже урчало от голода, и кусок хлеба с солью сейчас бы очень порадовал. Вот только к еде всегда прилагалось недовольство кухарки Евдокии, поэтому шаг у Вари получался медленный.

«Если Агафья Дмитриевна повелела мне есть на кухне, то в чем же я виновная?»

В доме Щербинина кормили вкусно. А иначе и быть не могло. Молоко, яйца, животина, птица и рыба – всего вдоволь! Варе очень запомнились наваристые щи с индейкой и белые грибы под густой жирной сметаной. Она бы и добавки попросила, но разве решишься на такое?

Осторожно зайдя в кухню, не обнаружив ни кухарки, ни ее помощницы, Варя почесала затылок и пожала плечами.

«Можно ли самой хлеба взять, али нет? Лучше обождать немного...»

Приблизившись к столу, она села на краешек табурета. Взгляд сразу устремился к красивой глубокой тарелке, наполненной с горкой черной смородиной. И до того ягоды хороши в ней были – крупные, блестящие, наверняка сладкие. Ни одной подпорченной не углядеть, ни одного мятого бочка не обнаружить. Варя и не заметила, как подалась вперед и коснулась кончиками пальцев края расписной тарелки...

– Ты куда свои ручонки тянешь! Эти ягоды крупные да сладкие не для тебя отбирались, а для Андрея Григорьевича, – неожиданно раздался резкий голос, и Варя, вздрогнув, отдернула руку и повернулась к кладовой, где подбоченьясь стояла недовольная Евдокия. Голову кухарки туго стягивала белая косынка, ни одного волоска видно не было. Маленькие глазки недобро

сверкали, а пухлые щеки розовели от негодования. – Кисель Андрею Григорьевичу готовить буду. А коли хочешь смородину, то вон из остатков две горсти возьми и ступай. Мне еще варенье варить, – и она кивнула на маленький стол у окна, на котором стоял таз, прикрытый тонкой светлой тканью, подшитой по краям. – Ишь, отборную ягоду ей подавай! Уж не хозяйкой ли ты себя возомнила?!

Варя быстро соскочила с табурета и метнулась к двери, желая уйти, испариться, исчезнуть. Но ойкнула и остановилась, потому что дорогу преградила появившаяся, как по волшебству, Агафья Дмитриевна. Лицо экономки выражало спокойствие и даже холодность, белый кружевной воротничок резко выделялся на фоне темно-синей ткани платья.

– Я ничего худого не помышляла, – на всякий случай пробормотала Варя, делая шаг назад. Но отступать было некуда, стоило развернуться, как недобрый взгляд кухарки непременно бы обжег душу.

– Варвара, я искала тебя, – ровно произнесла Агафья Дмитриевна, всем своим видом показывая, что ей совершенно не интересно произошедшее. – Мне необходимо поговорить с тобой. Ты поела?

– Нет...

– Плохо. Следуй за мной, обед принесут в твою комнату, – чуть помедлив, экономка посмотрела на кухарку и добавила со значением: – Григорий Павлович посчитал нужным сделать Варвару Степановну своей воспитанницей. Ее питание должно быть вкусным, разнообразным и сытным. Позаботься об этом, Евдокия.

Угадывая перемены, но пока не понимая, в чем же они будут состоять и что все это значит, Варя на всякий случай вжала голову в плечи.

Глава 4

«...ты попала в уважаемую семью и должна непрестанно благодарить Господа за это. Отныне ты не имеешь права совершать опрометчивые поступки. Всегда будь опрятна, аккуратна, вежлива. Держи спину ровно. Существуют определенные правила, этикет... В ближайшее время у тебя появится гувернантка. Никогда не ленись, приобретай знания, чтобы Григорий Павлович мог с уверенностью представить тебя обществу. Не перечь, проявляй скромность, учтивость и не позволяй гордыни утащить тебя в темный омут греха».

После разговора с Агафьей Дмитриевной Варя долго ходила по дорожкам усадьбы, перебирая фразы в памяти. Она их крутила и так и этак, пытаясь хорошенько понять каждую. И если это было затруднительно, то останавливалась, морщила нос, вздыхала и шла дальше.

Вот какой распрекрасной станет ее новая жизнь: и грамоте обучат, и одёжа своя появится, и в неведомую Москву они скоро поедут... А сюда вернутся следующим летом, потому что так давным-давно устроено в семье Щербининых.

«Бабушка, деется-то что... что деется...»

Аппетит пропал, и об обеде Варя вспомнила, когда уж вечерело. Вернувшись в свою комнату, она уловила манящие ароматы еды и сразу подошла к столу, где и обнаружила поднос. На одной тарелке лежали тушеная капуста с грибами, румяная куриная ножка и два свежесоленых огурца. На другой – кусок пирога с морковью и яйцами, три толстых куска сыра и хлеб с вареньем.

– Силов у меня нет столько съесть, – выдохнула Варя, придвинула стул, села и потянулась к пирогу.

Спать она легла поздно, когда уж небо раскрасили звезды, за окном перестали стрекотать кузнечики, и тишина окутала и дорожку с липами, и сад, и дом. Но уснуть не получалось: то вспыхивали мысли, то рисовались картины, то мечталось.

О Москве Варя слышала от отца, но этот город все равно казался ненастоящим, сказочным. Невозможно было представить, что она, деревенская девчонка в лапотках, однажды окажется на широченных улицах, где полным-полно пролетных дрожек и карет, где тянутся всевозможные лавки, в которых продают муку, мед, яйца, ткани, тесьму, шерсть, сальные свечи... Все продают! Где двери высоченных домов так тяжелы, что их и не открыть запросто, где в калашнях по утрам пекут калачи и булки, где мужики с метлами убирают мостовую, где мальчишки целый день бегают с посылками, а на женщинах непременно шляпки...

И все же Москва существовала. И очень скоро предстояло с ней познакомиться.

Устав ворочаться, испытывая жажду, Варя откинула тонкое одеяло, села на кровати и свесила ноги. После солений всегда хочется пить, и лучше не тянуть, а сходить в кухню за водой, а затем уж звать сон.

И Варя босиком пошлепала к двери. Евдокия наверняка спит, так чего бояться? Никто недобрый и не встретится.

* * *

Медленно, но верно организм побеждал слабость, возвращая утерянные ощущения силы, свободы, уверенности, полноты жизни. Положение больного раздражало Андрея, и он бы давно встал, если бы не постоянное головокружение и мольбы отца. «Я прошу тебя, не делай резких движений, доктор настойчиво рекомендовал покой, да ты и сам это слышал. Постельный режим и хорошее питание! Я уже отписал в гимназию, раньше середины сентября тебя и не будут ждать». Андрей не перечил, он уже давным-давно понял, что в этом нет никакого смысла.

Просто нужно дождаться подходящего момента и сделать так, как хочется. Быть единственным сыном довольно трудно, если отец опекает тебя с утра до позднего вечера.

Неторопливо поднявшись с кровати, Андрей на всякий случай ухватился за спинку стула, но ноги стояли крепко, а образовавшуюся тошноту вполне можно было проигнорировать. Он неспешно добрался до двери, шумно вздохнул, облизал пересохшие губы и позволил себе минутную передышку.

И все же идти тяжело. Но его цель – добраться до кухни. Это хорошее расстояние, одержать победу над которым будет приятно.

– Отец, кажется, я опять не послушал тебя, – тихо произнес Андрей и на его губах появилась улыбка. – Очень надеюсь, что я не грохнусь на полпути и тебе не придется опять приглашать профессоров.

И он пошел дальше, изредка касаясь стены, чуть пошатываясь.

Андрей рано понял, что свободу ему придется отвоевывать долго. Любовь отца была безмерной, временами удушающей и при этом не знала усталости. Однако огонь нельзя закупо- рить в бутылку, а ветер запереть в клетке. И Андрей с удовольствием нарушал запреты, рисковал во время прогулок и игр, торопился повзрослеть и попробовать все и сразу. Вот только ссоры с отцом все же беспокоили душу, а частенько и раздражали, и постепенно Андрей научился избегать проблем, не ущемляя собственных интересов. Именно поэтому он выбрал петербург- скую военную гимназию – это был решительный шаг в новую самостоятельную жизнь, далекую от дома. И не важно, что военное дело никогда не вызывало интереса, главное – независимость.

– Хорошо, если ты желаешь получить именно такое образование, то я не вправе мешать, – одновременно с огорчением и гордостью произнес отец. – Но, заводя знакомства в гимназии, будь внимателен и избирателен, не играй в карты на деньги и уклоняйся от каких-либо ссор.

Уже на следующий день Григорий Павлович взялся отговаривать сына, что, впрочем, было ожидаемо. В ход шли всевозможные аргументы, «страшные» истории о болезнях и трав- мах во время учебы, отзывы детей знакомых, в правдивости которых были большие сомне- ния. Андрей проявлял терпение и не отступал. Тем более что благодаря реформе военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина кадетские корпуса были преобразованы в военные гимназии и обучение получило определенную глубину и научную направленность. Меньше муштры, больше знаний. Андрею легко давались иностранные языки, география и история, и он надеялся, что годы, проведенные вдали от дома, будут легкими и увлекательными. К тому же мундир всегда привлекает внимание окружающих.

– Если пойму, что совершил ошибку, я непременно вернусь, – обещал Андрей, умело сглаживая острые углы.

В военную гимназию он собирался вместе с Матвеем Малыгиным, сыном соседского помещика, с которым виделся не так уж и часто, но все же приятельствовал. Тому тоже хоте- лось сбежать из дома, и эта решимость объединяла и добавляла уверенности.

– Поступать будем в 1-ю или 2-ю Петербургскую гимназию, – твердо говорил Андрей.

– Да. Отец согласится, ему до меня и дела нет, – отвечал Матвей, вполне довольный тем, что скоро начнется новая жизнь.

Но они оба не понимали, насколько жизнь станет иной. Избалованные светским безде- льем в Москве и раздольем в имениях, они оказались не готовы к жесткой дисциплине и стро- гим ограничениям. Однако о возвращении ни разу не заговаривали и, поддерживая друг друга, пытались привыкнуть к обстоятельствам.

Директором гимназии был громогласный и нетерпеливый к какому-либо беспорядку генерал-майор Яков Михайлович Курнаков. Располнев к старости, он тем не менее не утратил быстроты шага и всегда появлялся в самый неожиданный момент. Точно он имел особый нюх, позволяющий заподозрить готовящуюся шалость. За Курнаковым всегда торопливо семенил инспектор классов Лицкий, старательно записывающий в тетрадь все прегрешения подраста-

ющего поколения. Хотя в его обязанности входил контроль над преподавательским составом и методикой обучения, а не над гимназистами. Лицкий сообщал о нарушениях воспитателям, а те уже объявляли наказание.

Андрей не назвал бы эти наказания суровыми – розги и лишение обедов и ужинов ушли в прошлое. Но простоять несколько часов у стены, провести затяжные часы в светлом или темном карцере и главное – попрощаться с отпуском – желания не возникало. Однако характер брал свое, и Андрей частенько перечил преподавателям и ввязывался в споры и драки с одноклассниками, отстаивая лидерские позиции или попросту поощряя собственные упрямство и высокомерие. Матвей делал попытки погасить вспыхивающие конфликты и в знак поддержки всегда занимал сторону Андрея, но это редко приносило положительный результат, и почти всегда в карцер они отправлялись вместе.

Учебный день был регламентирован по минутам. Подъем, приведение кровати в состояние «ни складочки, все по струночке», умывание, чистка сапог и мундира, общая молитва, завтрак в столовой с еще одной молитвой, занятия, обед, свободное время, вновь занятия с подготовкой уроков к завтрашнему дню.

Больше всего Андрей не любил строевую подготовку, гимнастику, музыку, пение и танцы и ждал перехода в старшие классы, где наконец-то должны были допустить до ружей, удвоить уроки верховой езды и добавить военное дело. Французский и английский Андрей неплохо освоил еще с гувернанткой, что отчасти помогло в изучении немецкого – он спокойно относился к иностранным языкам и даже получал удовольствие от их изучения. География и история увлекали, математика, физика и русский были бы куда приятнее, если бы можно было не думать о чистоте и красоте в тетрадях.

Спустя два года обучения Андрей пришел к выводу, что военная карьера – совершенно не тот путь, по которому хотелось бы идти всю жизнь. Но не возвращаться же к удушающей опеке отца... Андрей подходил к большому зеркалу, расположенному рядом с умывальниками, смотрел на свою окрепшую фигуру, отмечал безупречность осанки, точеную и холодную красоту лица, уверенность во взгляде и приходил к выводу, что жалеть не о чем. Он перестал быть мальчишкой, обрел внутреннюю силу и знания, и уже выглядит весомее и старше сверстников, продолжающих наслаждаться беззаботной московской повседневностью. И уж точно никто и никогда не сможет назвать его папенькиным сыном. Однажды он попрощается с мундиром, но опыт, обретенный в этих стенах, останется с ним навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.